

XXVIII, 21.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

БОГДАНЪ ХМЕЛЬНИЦКІЙ.

СОЧИНЕНІЕ НИКОЛАЯ КОСТОМАРОВА. ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ,
ДОПОЛНЕННОЕ. СПБ. 1859 г.

Время борьбы малороссійскаго народа за свою независимость, борьбы, продолжавшейся болѣе полустолѣтія, и, можно сказать, безпримѣрной по тѣмъ жертвамъ, которыя принесъ тогда народъ, составляетъ самую блестящую, поэтическую эпоху въ исторіи Малороссіи. Народъ уразумѣлъ въ эту эпоху самого себя, созналъ свои силы, и, напрягая ихъ съ пыломъ юности противъ враговъ своей вѣры и свободы, открылъ въ себѣ ту несокрушимую мощь духа, которая дѣлаетъ великими и людей и народы, которая не боится ни препятствій, ни неудачъ, ни жертвъ при достиженіи цѣли, однажды навсегда предпринятой, — которая не знаетъ усталости, поетъ среди бѣды и лишеній, идетъ на смерть, какъ на праздникъ. Вотъ почему время этой борьбы, — поистинѣ тяжелое для малороссійскаго народа, — отпечатѣлось между тѣмъ блестящими красками въ его пѣсняхъ и преданіяхъ и доселѣ живетъ въ немъ, какъ лучшее время его жизни. Къ сожалѣнію, мы еще мало знакомы съ исторіей этой эпохи. Кто прочтетъ сочиненіе г. Костомарова, тотъ увидитъ, что мы имѣли доселѣ слишкомъ темное, слишкомъ недостаточное понятіе о томъ величій духа, которое выказалъ народъ въ борьбѣ за

свою свободу, о тѣхъ жертвахъ, которыя принесъ онъ. Сочиненія, доселѣ написанныя о той эпохѣ или касающіяся ея, — не говоря о многихъ другихъ недостаткахъ, — проникнуты тѣмъ официальнымъ панегиризмомъ, который не любитъ доискиваться въ исторіи истинныхъ виновниковъ событій и раздаетъ свои лавровые вѣнки обыкновенно тѣмъ, у кого выше чинъ. Отъ этихъ казенныхъ восхваленій въ особенности много пострадала личность Богдана Хмельницкаго, одного изъ главныхъ народныхъ представителей эпохи, о которой мы говоримъ.

Сочиненіе г. Костомарова, на которомъ мы намѣремы остановить вниманіе читателей, — далеко оставляетъ за собою предшествовавшіе труды въ томъ же родѣ. Своею обстоятельностью и *честнымъ* раскрытіемъ дѣла онъ много поясняетъ намъ — какъ самую эпоху, такъ и личность Хмельницкаго. Нельзя не пожалѣть, что авторъ ограничился только исторіею Богдана Хмельницкаго, не начавъ дѣла сначала. Это, по нашему мнѣнію, вредитъ полнотѣ впечатлѣнія, производимаго его трудомъ на читателя. Исторія Богдана Хмельницкаго, взятая отъ связи съ предшествовавшими событіями его эпохи, если не невозможна, то такъ же странна, какъ странна бы была, напримѣръ, хоть исторія Лютера безъ изложенія событій, породившихъ реформацію. Въ исторіи есть много такихъ дѣятелей, имена которыхъ неразрывно связаны съ извѣстными событіями, но которые сами — не болѣе какъ только заглавныя буквы въ этихъ событіяхъ и могутъ служить развѣ только показателями извѣстнаго историческаго движенія въ народныхъ массахъ, порожденнаго и обусловливаемаго причинами, лежащими внѣ личности самихъ дѣятелей. Сами дѣятели не носили въ себѣ опредѣленной идеи этихъ событій, не предвидѣли размѣра, какой они примутъ, и не имѣли въ виду ясной цѣли, къ которой направлятъ ихъ. Волею случая или фатума послѣдовательно-развивавшихся событій они носились и туда и сюда, готовы были пристать и въ томъ, и въ другомъ мѣстѣ, и даже иногда, — если бы то было возможно, — поворотить и назадъ, пока наконецъ счастливая судьба не причалила ихъ сама къ вожделѣнному берегу. Излагая исторію событій извѣстной эпохи, въ которой являются подобные дѣятели, нельзя не упоминать имени ихъ почти на каждой страницѣ, потому что они стояли во главѣ народныхъ массъ; но исторія ихъ собственной жизни, строго ограниченная тѣми только событіями, которыя вошли въ эту рамку, внѣ связи съ событіями предшествовавшими, а иногда и послѣдовавшими, представляется какимъ-то клочкомъ, отрывкомъ, въ которомъ нѣтъ ни начала, ни конца, и въ которомъ одно представляется неопредѣленнымъ, другое непонятнымъ, третье просто страннымъ. Къ

числу такихъ именно историческихъ дѣятелей, по нашему мнѣнію, принадлежитъ Богданъ Хмельницкій. Имя его въ исторіи Малороссіи неразрывно связано съ событіями, исходомъ которыхъ было освобожденіе Малороссіи изъ-подъ польскаго владычества. Но ключа къ истинному и полному уразумѣнію того, что совершилось великаго во время Хмельницкаго, надобно искать не въ личности Хмельницкаго, а въ народныхъ массахъ, предшествовавшими событіями своей исторіи приготовленныхъ—къ войнѣ, и къ умѣнью вести войну, и къ умѣнью побѣждать, и даже къ умѣнью безропотно повиноваться самому варварскому деспотизму ради пріобрѣтенія свободы, и даже наконецъ къ такому, а не другому исходу войны.... Думаемъ, что и личность самого Хмельницкаго явилась бы нѣсколько въ другомъ свѣтѣ, если бы прошла передъ нами въ ряду бывшихъ до него предводителей народа, менѣе его счастливыхъ, но глубже его любившихъ свое отечество, а иногда, быть можетъ, далеко лучше его понимавшихъ потребности и духъ своего народа. Авторъ самъ чувствовалъ потребность предшествовавшей исторіи Малороссіи для своего сочиненія, и потому своему «Богдану Хмельницкому» предпослалъ введене, въ которомъ на 32 страницахъ излагаетъ исторію Малороссіи, начиная отъ глубокой древности до временъ Богдана. Но такое сжатое введене, само собою разумѣется, не можетъ восполнить допущеннаго авторомъ пробѣла и не разрѣшитъ многихъ вопросовъ, рождающихся въ читателѣ при чтеніи «Богдана Хмельницкаго.»

Полнотѣ и цѣлости впечатлѣнія, выносиваемаго читателемъ изъ чтенія труда г. Костомарова, вредитъ также, по нашему мнѣнію, взглядъ автора на Богдана Хмельницкаго. Авторъ все еще смотритъ на Хмельницкаго, какъ на великаго героя и политика, — и все, что представляется несостоятельнымъ въ дѣйствіяхъ Хмельницкаго — непоследовательность его даже самому себѣ, дѣйствіе вопреки требованіямъ и интересамъ народнымъ — все это старается объяснить или необходимостію обстоятельствъ, или политическими расчетами, и т. п. Но *честные* факты и событія, *честно*, — мы опять повторимъ это, — рассказываемые авторомъ не укладываются подъ такой взглядъ; они говорятъ другое. Всматриваясь внимательнѣе въ картину, нарисованную авторомъ, нельзя не видѣть во всемъ блескъ той страшной путаницы, которую вноситъ въ нее Хмельницкій своими дѣйствіями, — этой путаницы безплодныхъ войнъ, еще безплоднѣйшихъ переговоровъ и трактатовъ, путаницы отношеній самого Хмельницкаго. Чтобы яснѣе и доказательнѣе представить это, мы войдемъ въ нѣкоторыя подробности.

Начнемъ съ того. Война съ поляками за свободу Малороссіи начата Народомъ, призванный Хмельницкимъ, на защиту своей вѣры и

свободы, возсталъ—какъ одинъ человѣкъ. Нѣсколько побѣдъ, одну другой блистательнѣе, одерживаютъ козаки надъ поляками. Самое пораженіе, которое разъ удалось полякамъ при Берестечкѣ нанести козацему войску, доказываетъ полякамъ только всю безнадежность овладѣть когда нибудь Малороссіей. Иностранные дворы, видя силу возстанія и ожидая неминуемаго переворота въ судьбахъ Малороссіи и Польши, предлагаютъ побѣдителямъ свою дружбу и помощь. Что же дѣлаютъ побѣдители? — Они не пользуются, какъ должно, плодами ни одной своей побѣды. Одержавъ одну побѣду, они вступаютъ въ безплодные переговоры съ поляками, теряютъ благопріятное для новыхъ побѣдъ время; переговоры оканчиваются ничѣмъ. Начинается снова война, козаки снова одерживаютъ побѣду, — опять переговоры, оканчивающіеся также ничѣмъ, опять потеря благопріятнаго времени, и потомъ снова война, и т. д. И наконецъ все это оканчивается постыднымъ бѣлоцерковскимъ договоромъ, по которому Малороссія *de jure* ставится почти въ такое же положеніе, въ какомъ была до возстанія при Хмельницкомъ, а *de facto*—гораздо въ худшее. Что же Хмельницкій? — Хмельницкій, ведя повидимому страшную войну съ поляками, одерживая побѣду за побѣдою, нанося пораженія даже королю, объясняется между тѣмъ предъ королемъ то-и-дѣло въ своемъ вѣрноподданничествѣ, унижается предъ нимъ и предъ панами, кланяется, проситъ прощенія въ своихъ побѣдахъ, какъ въ преступленіяхъ, даже плачетъ, увѣряя, что онъ не ищетъ ничего другаго, кромѣ защиты отъ притѣсненій, — и въ самомъ дѣлѣ заключаетъ съ поляками трактаты, для народа одинъ другаго безотраднѣе. Народъ, который для пріобрѣтенія себѣ свободы не щадитъ ни жертвъ, ни жизни, — съ каждою новою побѣдою приходитъ все въ худшее и худшее положеніе. Война для него гибельна, потому что, при всей блистательности побѣдъ, ведется безъ пользы, безъ опредѣленной цѣли, и давить одною безнадежностію видѣть когда нибудь ея окончаніе; а заключаемые трактаты, не доставляя никакихъ облегченій народу, дѣлаются еще гибельнѣе, потому что съ ними война оканчивается только повидимому, — на бумагѣ; въ самомъ же дѣлѣ съ опредѣленныхъ пунктовъ на границѣ или за границею страны переносится внутрь страны, дѣлается повсемѣстною, изъ правильной переходитъ въ беспорядочную—въ войну отрядовъ, партій, отдѣльных лицъ, въ междоусобную войну хлоповъ и владѣльцевъ. Горятъ селенія и города, истребляются ихъ населенія, земли остаются необработанными, расхищаются имущества, повсюду—наспіля, кровопролитія, варварство. Въ такомъ состояніи находится народъ и послѣ трактата зборовскаго и даже послѣ бѣлоцерковского; — черезъ четыре года, послѣ блистательныхъ побѣдъ, одержанныхъ имъ надъ

полями, послѣ неисчислимыхъ жертвъ имъ принесенныхъ, — онъ выходитъ безъ всякой надежды впереди на что нибудь лучшее.

Смотря на все это, вы недоумѣваете, что такое совершается предъ вашими глазами по волѣ гетмана Богдана Хмельницкаго: комедія, мистификація или дѣйствительная война? — Куда этотъ новый Моисей, какъ называли его панегиристы, повелъ народъ свой? Гдѣ та обѣтованная земля, въ которую онъ ведетъ его? И для чего онъ ведетъ его такими страшными распутиями?

Отвѣтъ на эти вопросы вы напрасно стали бы искать въ прежнихъ сочиненіяхъ, и не находите прямо высказаннаго, послѣдняго слова даже и у автора разсматриваемой нами книги. Авторъ пошатнулъ пьедесталь, на которомъ доселѣ стоялъ гетманъ, но не коснулся лавроваго вѣнка, уже два вѣка украшающаго чело его. Онъ не освѣтилъ для насъ личности гетмана настолько, насколько это было нужно для того, чтобы можно было уразумѣть планы и намѣренія гетмана, если только они въ немъ были. Авторъ предоставилъ самому читателю судить объ этомъ по дѣйствіямъ гетмана. Въ случаяхъ только крайнихъ, когда гетманъ начинаетъ дѣйствовать уже очень плохо, такъ что это невольно бросается въ глаза читателю, — авторъ подходитъ и говоритъ, что это сдѣлано потому-то и потому-то, — то есть, можно думать, что гетманъ въ данномъ случаѣ дѣйствовалъ потому-то и потому-то. Но вѣроятное объясненіе одной путаницы только изъ извѣстныхъ обстоятельствъ, а не изъ личности самого гетмана, не объясняетъ другихъ путаницъ, возникшихъ при другихъ обстоятельствахъ, и этимъ самымъ подрываетъ свою собственную вѣроятность. И читателю для успокоенія себя не остается ничего болѣе, какъ самому отыскивать ариаднину нить для разъясненія личности гетмана. Постараемся это сдѣлать и мы.

Предварительно мы считаемъ нужнымъ заявить, что мы не выдвигаемъ своего взгляда за несомнѣнный. Быть можетъ, онъ очень ошибоченъ; но думаемъ, что онъ не намъ однимъ приходилъ на мысль при чтеніи сочиненія г. Костомарова. Мы будемъ очень рады, если вамъ докажутъ его несостоятельность и укажутъ другую, болѣе вѣрную точку зрѣнія на дѣла гетмана.

Хмельницкій войну съ поляками началъ, какъ извѣстно, въ своихъ личныхъ интересахъ, изъ частной мести за отнятіе у него Субботова и за оскорбленіе, нанесенное ему Чаплинскимъ. Хмельницкій искалъ удовлетворенія по своему дѣлу у своего мѣстнаго правительства и въ мѣстныхъ судахъ, но не нашелъ. Онъ вызвалъ Чаплинскаго на поединокъ, но коварный Чаплинскій, вмѣсто поединка, приготовилъ засаду, въ которой Хмельницкій едва не заплатился жиз-

нію. Хмельницькій отпавился искать правосудія въ Варшавѣ, у сейма, но вмѣсто удовлетворенія встрѣтилъ здѣсь насмѣшки надъ своею простотою. Онъ обратился наконецъ съ жалобою къ королю, но король, признавъ Хмельницкаго правымъ, призналъ себя вмѣстѣ съ тѣмъ безсильнымъ помочь ему, и посовѣтывалъ козакамъ отыскивать правъ своихъ саблею. Послѣ этихъ попытокъ Хмельницькій увидѣлъ ясно, что законнымъ путемъ ему не найти удовлетворенія за свою обиду, а частная месть или самовольная расправа съ Чаплинскимъ была также невозможна, — и онъ отъ мысли о мщеніи за свое частное дѣло, перешелъ къ замыслу двинуть силы цѣлаго народа....

Возбудить народъ къ возстанію противъ Польши было тогда не трудно. Мѣра терпѣнія его давно уже была переполнена безчисленными несправедливостями, притѣсненіями, гоненіями отъ поляковъ. Но кромѣ того, у Хмельницкаго было и еще средство взволновать народъ. Въ рукахъ у него была привиллегія, данная Владиславомъ IV козакамъ, возвращавшая имъ прежнія ихъ права — свободное судопроизводство, право избранія чиновниковъ и увеличеніе реестроваго войска до 12,000 человекъ. Кромѣ того, король позволялъ козакамъ плавать по Днѣпру и Черному морю и поручалъ имъ немедленно построить 600 часкъ и напасть на Турцію. Цѣль привиллегіи, переданной козакамъ секретно черезъ канцлера Оссолинскаго, — равно какъ и приказанія о немедленномъ нападеніи на Турцію, — ближайшая была та, чтобы возбудить турокъ къ войнѣ съ Польшею, а главное — чтобы король подъ предлогомъ войны съ Турціею имѣлъ возможность организовать преданное себѣ войско, съ которымъ потомъ могъ бы потрясти республиканское устройство Польши, дошедшее до анархіи, и возвысить власть монархическую. Планы Владислава были разрушены въ томъ же самомъ году (1646), въ который дана была козакамъ привиллегія. И мы не думаемъ, чтобы Хмельницькій сколько нибудь вѣрилъ осуществленію мечтательныхъ плановъ Владислава, особенно послѣ того, какъ планы эти были преждевременно почуяны панами и шляхтою, и польская аристократія стала съ подозрительностію присматривать за дѣйствіями Владислава. Притомъ Хмельницькій конечно и не думалъ, чтобы возстаніе Малороссіи приняло такіе широкіе размѣры, что могло бы способствовать осуществленію плановъ короля. До него не было примѣровъ подобныхъ возстаній. Хмельницькій думалъ, что онъ повоюетъ съ поляками, насолитъ имъ, покажетъ свою силу, возвратитъ себѣ Субботовъ, получитъ, быть можетъ, гетманство, — тѣмъ дѣло и кончится. А народъ? — А народъ какъ нибудь спокоится и будетъ жить, какъ прежде. Вѣдь были же возстанія и до Хмельницкаго, и народъ, по-

возвзавшись, успокоивался потомъ и входилъ въ свою обычную жизнь. Тѣмъ не менѣе привилегія Владислава была въ рукахъ Хмельницкаго волшебнымъ талисманомъ—и лично для него самого, и для народа. Хмельницкій очень хорошо понималъ это, и не даромъ употребилъ всѣ средства, чтобы добыть ее отъ Барабаша. Она служила и сильнымъ средствомъ для возбужденія возстанія въ народѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ указывала цѣль возстанія. Въ ней народъ видѣлъ одобреніе царствующаго короля къ возстанію и, выходя на битву за свое дѣло противъ пановъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ воевалъ для цѣлей короля, отъ котораго потомъ, по благопріятномъ окончаніи дѣла, могъ ожидать всего лучшаго. Лично для Хмельницкаго привилегія имѣла то значеніе, что прикрывала предъ народомъ его истинныя наміренія, снимала съ него вину возстанія, давая его личному интересу характеръ дѣла общественнаго, и въ случаѣ неудачъ военныхъ или несбывшихся надеждъ — дѣлала его свободнымъ отъ отвѣтственности передъ народомъ.

Вышло однакожь не такъ, какъ ожидалъ Хмельницкій. Владиславъ умеръ еще въ началѣ войны. Съ его смертію, для народа исчезла цѣль войны, или, что тоже, исчезла надежда на благопріятный исходъ войны въ союзѣ съ Польшею. Народъ между тѣмъ, по призыву Хмельницкаго, возсталъ на войну съ Польшею поголовно, какъ никогда не возставалъ прежде. Ободренный съ одной стороны первыми побѣдами надъ поляками, съ другой, по смерти Владислава, не наглась отъ Польши ничего добраго, онъ потребовалъ противъ Польши рѣшительныхъ дѣйствій, съ тѣмъ, чтобы завоевать себѣ совершенную свободу. Богданъ испугался своихъ неожиданныхъ успѣховъ. Смерть Владислава поставила и его въ новое, непредвидѣнное имъ положеніе. Пока былъ живъ Владиславъ, Хмельницкій велъ войну въ его имя; въ глазахъ другихъ онъ былъ не бунтовщикъ, но рыцарь, чюднѣвшій оружіе на защиту правъ и свободы своего народа противъ наглыхъ притѣснителей, по желанію и даже по призванію самого короля. Въ случаѣ неудачи, онъ и народъ оставались все-таки подъ защитою короля. Со смертію Владислава характеръ войны измѣнялся: она дѣлалась бунтомъ. Отвѣтственность за нее ложилась лично на Хмельницкаго. Будь на мѣстѣ Хмельницкаго Наливайко, Сагайдачный, Павлюкъ и т. п., для которыхъ все счастье, вся слава состояли въ томъ, чтобы жить для интересовъ народа или умереть въ борьбѣ за нихъ,—они не усумнились бы разорвать союзъ съ Польшею, по требованію народа, и идти на окончательное пораженіе поляковъ. Не таковъ былъ Богданъ. Онъ любилъ свое отечество; этой любви не могли истребить въ немъ ни милости короля, ни ласки пановъ, ни даже іезуитское

воспитаніе. Но онъ любилъ его тою благоразумною любовію, которая слишкомъ далека отъ самоотверженія. Онъ былъ готовъ служить интересамъ народнымъ, но такъ, чтобы это не вредило его собственнымъ интересамъ. Этихъ собственныхъ интересовъ Хмельницкій не забывалъ никогда — ни среди своихъ воинственныхъ подвиговъ, ни среди думъ правительственныхъ, ни въ самомъ разгарѣ войны, которую велъ онъ. И въ то время, когда положеніе народа измѣнялось разными трактатами, заключаемыми съ Польшею, дѣлаясь то хуже, то лучше, — во всѣхъ трактатахъ, и зборовскомъ, и бѣлоцерковскомъ, староство чигиринское значится принадлежащимъ «благородному Богдану Хмельницкому, какъ вѣрному слугѣ короля и Рѣчи-Посполитой.» Тоже значится и въ предварительныхъ договорныхъ статьяхъ съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. На эту заботливость Хмельницкаго объ укрѣпленіи за собою староства чигиринскаго обращаемъ вниманіе не мы, — это замѣтили еще современники. «Выказывая себя представителемъ козацкаго сословія, Хмельницкій и себя не забылъ», говоритъ одинъ польскій лѣтописецъ, указывая на вошедшее въ предложеніе Хмельницкаго при переговорахъ зборовскихъ староство чигиринское.

Мы не будемъ доискиваться, какая мысль руководила гетманомъ въ этой постоянной его заботливости объ удержаніи за собою староства чигиринскаго; но во всякомъ случаѣ эта заботливость показываетъ, что гетманъ не имѣлъ надеждъ на самостоятельность Малороссіи, и заключалъ съ Польшею мирные трактаты не на время только, не въ видѣ перемирій, какъ утверждаетъ авторъ о трактатѣ бѣлоцерковскомъ. Иначе, къ чему бы было гетману такъ усердно хлопотать объ упроченіи за собою права на староство чигиринское? Не лучше ли было бы, вмѣсто этого, позаботиться о какомъ нибудь лишнемъ правѣ для народа, для котораго, при тогдашнемъ его положеніи, и облегченіе на время отъ какой нибудь тягости значило много? И въ самомъ дѣлѣ, мы ниже увидимъ, что Хмельницкій не вѣрилъ ни въ возможность самостоятельнаго существованія Малороссіи, ни даже въ возможность освобожденія ея отъ Польши одними собственными силами. Оттого во все время войны съ поляками, до самаго присоединенія Малороссіи къ Россіи, онъ не составилъ никакого плана относительно будущей судьбы своего отечества, которыми могъ бы руководиться въ своихъ дѣйствіяхъ. Онъ думалъ — и остаться въ союзѣ съ Польшею, и соединиться съ Москвою, съ Турціею, мечталъ иногда и о самостоятельной Малороссіи. Тѣ или другія мысли раждались въ немъ вслѣдствіе тѣхъ или другихъ обстоятельствъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ проходили эти обстоятельства, уходили и онѣ, и ни одна изъ нихъ не получала въ умѣ гетмана

прочной осѣдлости. Оттого и прочной подготовки къ тому или другому шагу въ будущемъ — не было никакой. И если бы Малороссія въ одинъ прекрасный день соединилась по волѣ гетмана съ Турціею, въ этомъ такъ же бы мало было удивительнаго, какъ и въ томъ, что она, по его же волѣ, соединилась съ Московіей.

Эта неувѣренность въ своихъ силахъ для борьбы съ Польшею, отсутствіе серьезнаго, глубоко-обдуманнаго плана относительно будущей судьбы своего отечества, боязнь за себя, за свои личные интересы, въ случаѣ неудачи, — дѣлали Хмельницкаго осторожнымъ, или, точнѣе сказать, нерѣшительнымъ и робкимъ въ его дѣйствіяхъ по отношенію къ Польшѣ. Онъ не хотѣлъ объявить себя въ прямомъ разрывѣ съ Польшею, какъ того требовалъ народъ. При прямомъ разрывѣ, въ случаѣ неудачи на войнѣ, гетманъ могъ бы поплатиться головою, между тѣмъ, какъ объявляя себя не врагомъ короля и Рѣчи Посполитой, а только врагомъ пановъ-притѣснителей, и вмѣстѣ съ тѣмъ показывая свою силу, гетманъ могъ надѣяться и въ случаѣ неудачи получить и чигиринское староство, и гетманство, и малую толику реестровыхъ, — какъ дѣйствительно и случилось по бѣлоцерковскому трактату послѣ берестечскаго пораженія. Вотъ почему гетманъ началъ вести ту путаницу бесплодныхъ войнъ, какія мы видимъ во все время его предводительства со смерти Владислава, — дѣйствуя безъ всякаго опредѣленнаго плана, полумѣрами, робко, уклончиво, выжидая всего отъ времени.

Такой безхарактерный или, правильнѣе сказать, трусливый образъ дѣйствій, имѣвшій своимъ основаніемъ единственное чувство самосохраненія, ненавистный для народа, приводившій въ изумленіе союзниковъ-татаръ и даже поляковъ, гетманъ старался маскировать и передъ поляками и передъ народомъ, чувствомъ своего глубокаго вѣрнопопданства и преданности королю и Рѣчи Посполитой. Искусство носить маску гетманъ имѣлъ случай изучить у своихъ воспитателей іезуитовъ, и началъ практиковаться въ немъ еще задолго до вступленія своего въ предводительство козаками. «Не пропуская мятежа, — говоритъ авторъ, — чтобъ Хмельницкій въ немъ не участвовалъ: былъ онъ сподвижникомъ Тараса, Павлюка, Острижы, возбуждалъ совѣтомъ и ободрительною рѣчью собратій противъ польской, но не стоялъ на челѣ возстанія, другимъ уступалъ первенство, и когда зачинщики расплачивались за смѣлость на плахѣ или на колесѣ, на Хмельницкаго никто не могъ доказать. Услуги, оказанныя королю, видимая преданность Рѣчи Посполитой отклонили отъ него всякое подозрѣніе. Онъ при случаѣ дѣйствовалъ даже противъ своихъ соотечественниковъ» (I, 46). Этою же маскою вѣрнопопданства прикрывается гетманъ и во время своего пред-

водительства. Возбуждать народъ къ возстанію противъ поляковъ, даже во время мира съ послѣдними, и увѣрять короля и пановъ въ своей неизмѣнной вѣрности королю и Рѣчи Посполитой; въ случаѣ недоразумѣній относительно этой вѣрности, возникающихъ изъ фактовъ очевидныхъ, извиняться обстоятельствами или сваливать вину на другихъ; въ случаѣ требованія удовлетворенія за мнимые мятежи, — т. е. за несогласіе самимъ же гетманомъ возбужденнаго, но обманутаго въ своихъ надеждахъ народа — идти вновь въ рабство къ панамъ, — предавать *непокорныхъ* (!) жестокимъ казнямъ, наконецъ рабѣлѣствовать и унижаться передъ панами вліятельными, позоря безъ всякаго милосердія лишающихся этого вліянія, — съ такимъ характеромъ *обоюдности*, какъ выражаетъ это авторъ, является намъ гетманъ во время своихъ войнъ съ Польшею. Вступаетъ ли Хмельницкій въ сраженіе, въ которомъ наноситъ жестокое пораженіе полякамъ, — онъ тотчасъ пишетъ письмо королю, въ которомъ увѣрять, что онъ, вѣрноподанный короля, никогда и не думалъ возставать противъ короля или Рѣчи Посполитой, что сраженіе было не сраженіе, а такъ себѣ.... «паны начали опустошать Украйну и пошли на насъ съ большими войсками, мы должны были просить помощи у хана крымскаго, а тотъ намъ пособилъ, вспоминая, что и мы ему пособляли противъ непріятелей. По Божьей волѣ случилось такъ, что при сухихъ дровахъ досталось и сырымъ» (I, 148). Одерживаетъ ли гетманъ побѣду надъ самимъ королемъ, до того рѣшительную, что король долженъ сдѣлаться плѣнникомъ, гетманъ въ доказательство своего вѣрноподданства не беретъ въ плѣнъ короля, и за тѣмъ въ трогательномъ письмѣ объясняетъ ему, что «онъ, гетманъ, не мятежникъ; что онъ прибѣгъ къ помощи хана крымскаго только для того, чтобы при его содѣйствіи возвратить себѣ милость и благосклонность короля (!?); что онъ, гетманъ, скорѣе вовсе не будетъ жить, чѣмъ станетъ вести жизнь, противную его величеству, милосердому монарху» и проч. (I, 427) Посылаетъ ли гетманъ козаковъ и народъ въ *загоны* или на грабежъ, онъ пишетъ, что это дѣлается безъ его воли, и что самъ онъ, какъ вѣрноподанный, на это не осмѣлился бы. Жалуются ли паны на неисполненіе условій трактата, на мнимые мятежи, — Хмельницкій опять умываетъ руки, какъ человѣкъ невинный, и преспокойно въ угоду папамъ казнить, вѣшаетъ, сажаетъ на колъ своихъ сподвижниковъ, тѣхъ самыхъ людей, которыхъ самъ же возстановилъ противъ Польши, обманувъ ихъ обѣщаніемъ свободы. Съ этимъ же характеромъ *обоюдности* видимъ гетмана въ его личныхъ сношеніяхъ съ королемъ и съ панами. Надменный до дерзости, грубый до площаднаго цинизма и варварства съ людьми, униженными судьбою, съ

люди, въ которыхъ нечего искать, — какимъ мы видимъ гетмана при обращеніи съ плѣннымъ Потоцкимъ, при обращеніи съ польскими комиссарами въ Переяславѣ, — наконецъ мстительный до того, что позволялъ себѣ ругаться надъ мертвыми тѣлами своихъ враговъ, держась того мудраго правила, что «и мертвому льву надобно вырвать бороду». — гетманъ дѣлается смиреннымъ и униженнымъ передъ тѣми же самими людьми, которыхъ онъ позорилъ, поставленнымъ въ другое положеніе, и вообще передъ лицами вліятельными. Мы видимъ его низко кланяющимся Оссолинскому при переговорахъ зборовскихъ, и сначала отъ смиренія безмолвно присутствующимъ при переговорахъ, потомъ смиренно увѣряющимъ канцлера въ своей преданности Рѣчи Посполитой; мы видимъ его напрашивающимся на поклоненіе и лобызаніе руки къ Яну Казимиру, по подписаніи договора зборовскаго. Такимъ же низкопоклоннымъ мы встрѣчаемъ его при заключеніи бѣлоцерковскаго трактата, въ лагерѣ польскомъ, въ ставкѣ Потоцкаго, того самаго Потоцкаго, котораго гетманъ позорилъ во время плѣна. Здѣсь, въ присутствіи всѣхъ польскихъ предводителей, гетманъ кланяется, проситъ прощенія у Потоцкаго, даже плачетъ. Слезы у гетмана были, впрочемъ, не рѣдкость. По свидѣтельству Шевалье, гигантская фигура гетмана при подобныхъ церемоніяхъ низкопоклонства обыкновенно обливалась слезами.... Но гетманъ унижается не только передъ Потоцкимъ или другими главными предводителями въ лагерѣ польскомъ: онъ не забываетъ переднихъ и второстепенныхъ пановъ, безъ сомнѣнія тоже имѣвшихъ извѣстную долю вліянія на дѣла.

Авторъ съ какимъ-то страннымъ уваженіемъ рассказываетъ объ умѣнн гетмана маскироваться, о великихъ будто бы замыслахъ, какіе носилъ онъ подъ своею маскою, и т. п. (I, 45, 46) Напрасно! Гетманъ вовсе не принадлежалъ къ числу великихъ историческихъ лицемѣровъ, каковъ былъ, напримѣръ, Сикстъ V, каковъ былъ даже Мазепа. Признаться, гетману и скрывать много было нечего. Былихъ нибудь особенно великихъ замысловъ противъ Польши у него не было, — это показываетъ вся его исторія. Поладить съ Польшею на условіяхъ лично для себя выгодныхъ, — хотя бы то и не сообразно выгодныхъ для народа, — онъ былъ никогда не прочь, что доказываетъ трактатъ бѣлоцерковскій. Если же когда нибудь, особенно послѣ взвѣсивъ руку, и появлялись у него какія нибудь *продерзостныя* противъ Польши мысли, то гетманъ не держалъ ихъ долго у себя, а немедленно высказывалъ, и высказывалъ не по секрету кому нибудь, а прямо тѣмъ именно лицамъ, кому то вѣдать надлежало. — напримѣръ королевскимъ комиссарамъ въ Переяславѣ. Наконецъ гетманъ и вообще велъ себя такъ, какъ великій лицемѣръ

никогда бы себя не позволилъ: припомним его обращеніе съ плѣннымъ Потоцкимъ, съ королевскими комиссарами въ Переяславѣ, поруганіе его надъ тѣлами предковъ Вишневецкаго. Все это никакъ не показываесть въ гетманѣ умѣнья носить маску. Гетманъ былъ просто добрый козакъ, у котораго не было недостатка въ смѣлости и отвагѣ, чтобы пасть въ славномъ бою съ саблею въ рукахъ; но у него не было той твердости, того мужества духа, которое умѣесть за свои принципы, за предположенные раздѣлы умирать медленною смертію, умирать, если нужно, безславно и позорно, при всеобщемъ презрѣніи и ненависти, среди непрестанныхъ невзгодъ, гоненій, истязаній. Онъ побаивался проиграть дѣло и понасть въ руки полякамъ; оттого, на всякій случай, не считалъ грѣхомъ противъ своихъ обязанностей — прикидываться, насколько умѣлъ и могъ, вѣрнопопавшимъ и преданнымъ королю и Рѣчи Посполитой, какъ иной православный не считаесть грѣхомъ поставить иногда на всякій случай свѣчку и чорту. Конечно, не очень легко было носить и ту маску, которую носилъ Хмельницкій: для этого нужно было имѣть особенную гибкость и сносливость отъ природы. Но маска эта была такъ прозрачна и такъ худо держалась на гетманѣ, что едва ли успѣвала дѣлать непроницаемыми для всѣхъ его истинныя расположенія. Къ тому же, мы уже замѣтили это выше, гетману иногда и маскировать было нечего. По временамъ личные интересы такъ сильно перевѣшивали въ перемѣнчивомъ гетманѣ любовь къ своему отечеству, что очень близко сходились съ желаніями Польши, и расположеніе къ послѣдней являлось въ немъ, въ такомъ случаѣ, вовсе не маскою, а было совершенно искреннимъ.

Таково наше мнѣніе о Хмельницкомъ. Обратимся теперь къ ближайшему разсмотрѣнію фактовъ войны, веденной имъ съ Польшею.

Хмельницкій началъ войну противъ поляковъ съ величайшимъ благоразуміемъ и осторожностію. Чтобы не встревожить преждевременно поляковъ, не побудить ихъ принять сильныя мѣры къ подавленію непринятаго имъ возстанія, прежде нежели оно успѣеъ развиться, онъ не дѣлалъ первоначально торжественныхъ воззваній къ народу о своемъ возстаніи. И только тогда уже, когда одержалъ надъ поляками двѣ побѣды, — при Жолтыхъ Водахъ и подъ Корсунемъ, издалъ свой знаменитый бѣлоцерковскій универсалъ, въ которомъ, описывая претерпѣваемыя Малороссіею отъ поляковъ бѣдствія, призывалъ народъ, именемъ короля, на защиту своей вѣры, свободы, древнихъ правъ Малороссіи. Начавъ дѣло весьма опасное, находясь каждую минуту въ положеніи критическомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ горя жаждою мщенія за нанесенныя ему оскорбленія, Хмельницкій былъ въ это время энергиченъ, неумолимъ,

пробѣдѣнъ, предприимчивъ, рѣшительнъ; — однимъ словомъ, представлялъ въ себѣ всѣ качества великаго вождя народа. Но едва миновалась опасность, едва первые успѣхи войны обласкали его, Хмельницкій совершенно измѣнился, какъ будто отлетѣлъ отъ него гений, доселѣ его вдохновлявшій. Битвою подъ Корсунемъ гетманъ закончилъ компанію 1648 года и удалился на стоянку въ Бѣлую-Церковь. Всѣ послѣдующія незначительныя военныя дѣйствія, какъ то: стычки подъ Пилявою, осада Львова и Замостья, — не входили, какъ увидимъ ниже, въ намѣренія гетмана, были вынуждены окружавшею его радю и велись имъ нехотя. Нерѣшительность и робость въ дѣйствіяхъ, по отношенію къ полякамъ, сдѣлались съэтого времени отличительными чертами образа дѣйствій гетмана. Мы думаемъ, что главною причиною такой страшной переменъ въ Хмельницкомъ была смерть Владислава. Она связала ему руки для дальнѣйшихъ дѣйствій, а не развязала, — какъ думаетъ авторъ. Со смертію Владислава, поставленный въ новое положеніе по отношенію къ дѣлу предпріятому, не имѣя никакого серьезнаго, глубоко-обдуманнаго плана относительно послѣдующей судьбы Малороссіи, и слѣдовательно плана войны, гетманъ затерялся, и, въ ожиданіи лучшихъ умовъ для своихъ дѣйствій отъ времени, принялъ несчастную систему дифференціи между польскою благосклонностію съ одной стороны и ненавистію народа къ полякамъ съ другой, — систему, которая черезъ рядъ войнъ, переговоровъ, безчисленныхъ потеръ и жертвъ привела его наконецъ къ позорному трактату бѣлоцерковскому.

Первымъ дѣломъ гетмана по прибытіи въ Бѣлую-Церковь было изданіе упомянутаго нами знаменитаго универсала, послѣдовавшее 28 мая. Гетманъ хотѣлъ сосредоточить около себя какъ можно больше войска, чтобы поставить себя въ положеніе не только безопасное, но и для Польши угрожающее; затѣмъ хотѣлъ видѣть, въ какой мѣрѣ предпріятое имъ возстаніе пользуется сочувствіемъ въ народѣ. Дѣйствіе универсала было блистательно. Малороссія взволновалась изъ конца въ конецъ. Всѣ, кто имѣлъ возможность, въ безопасности же хлопы или крестьяне, бросали свои занятія и присоединялись — или къ гайдамацкимъ загонамъ, которые свирѣпствовали въ Малороссіи, особенно же въ Волыни и Подоліи, истребляя все, что казалось противнымъ русской національности, или толпами шли въ Бѣлую-Церковь и записывались въ козаки. Увѣрившись во всеобщемъ народномъ сочувствіи къ своему дѣлу, гетманъ въ юнѣ мѣсяцѣ отправилъ на варшавскій сеймъ депутацію для оправданія всѣхъ своихъ поступковъ, снабдивъ ее инструкціею для объясненій; кромѣ

того написалъ королю письмо, которое отправилъ съ тою же депутаціею.

Въ письмѣ къ королю Хмельницкій описываетъ тѣ угнетенія, которыя терпитъ Украина отъ произвола владѣльцевъ, и объясняетъ, что бывшія битвы не были слѣдствіемъ возмущенія козаковъ, а только защитою ихъ отъ нападений пановъ, которые пришли въ Украину съ большими войсками и начали опустошать ее, чтобы «выкоренить всѣхъ, и даже имя козацкое съ земли согнать.»

Депутація должна была объяснить тѣ насилія, которыя дѣлаются въ Украинѣ панами, а также и то, что козаки начали вооружаться не самопроизвольно, а по волѣ короля, который далъ имъ денегъ на постройку чашекъ и велѣлъ готовиться къ войнѣ, обѣщая возвращеніе прежнихъ правъ; но что ихъ послѣ этого королевскаго повелѣнія начали угнетать еще болѣе, и они поневолѣ взяли за оружіе.

Когда депутація была уже отправлена въ Варшаву, Кисель прислалъ Хмельницкому письмо, которымъ приглашалъ его помириться съ Польшею, предлагая къ тому свое содѣйствіе. Хмельницкій, вопреки мнѣнію рады, которая не хотѣла слышать ни о какихъ переговорахъ, съ старшинами настоялъ на томъ, чтобы принять предложеніе Киселя, почему и было положено: пригласить его для переговоровъ въ Украину.

Всѣ эти дѣйствія Хмельницкаго, равно какъ и прекращеніе имъ дѣйствій военныхъ, имѣютъ характеръ примирительный. Ясно что Хмельницкій не только не хотѣлъ въ это время отторгаться отъ союза съ поляками, но намѣренъ былъ какъ можно скорѣе покончить съ начатою войною и поладить съ поляками. Но если и дѣйствительно таковы были намѣренія Хмельницкаго, то онъ все-таки дѣлалъ величайшую ошибку, остановивъ военныя дѣйствія. Не путемъ мирныхъ переговоровъ, а именно путемъ войны онъ долженъ былъ искать примиренія съ поляками. Слѣдуя умному совѣту Владислава, который совѣтовалъ и Хмельницкому, и всѣмъ вообще козакамъ — отыскивать правъ своихъ саблею, Хмельницкій навремя долженъ былъ дѣйствовать по отношенію къ Польшѣ безпощадно, какъ дѣйствительный врагъ ея, не увлекаясь никакимъ вѣрнопопданствомъ, если хотѣлъ добиться чего нибудь прочнаго для народа, которымъ онъ предводительствовалъ.

Надобно сказать, что и время для продолженія военныхъ дѣйствій было самое благоприятное.

1) Въ Польшѣ, по смерти Владислава, настало междуцарствіе — время, какъ извѣстно, по преимуществу отличавшееся анархіею, борьбою партій, безпорядками.

2) У Хмельницкаго подъ рукою было многочисленное войско, которое горѣло нетерпѣніемъ *кинчать ляховъ*, биться съ ненавистнымъ ему непріятелемъ на жизнь и смерть. У поляковъ въ это время почти вовсе не было войска, потому что малочисленное старое войско было истреблено, а собрать новое было не легко; «войско польское сходилось обыкновенно дѣлнво и эта медленность всегда была, по замѣчанію автора, причиною неудачъ поляковъ въ войнахъ» (I, 213). Но и то войско, которое было въ надеждѣ, т. е. которое могло быть собрано, не могло идти ни въ какое сравненіе съ войскомъ Богдана. Весьма любопытна характеристика тогдашнихъ войскъ Богдана и войскъ польскихъ, которую дѣлаетъ Кисель въ письмѣ своемъ гнѣзненскому архіепископу, отъ 31 мая 1648 года. «Если нѣсколько тысячъ козаковъ, — пишетъ Кисель, — уничтожили наше войско и гетмановъ (разумѣется битва корсунская), то чего должно ожидать теперь, когда ихъ 100,000, а послѣ будетъ и вдвое больше? Мы теперь имѣемъ дѣло не съ тою прежнею Русью, которая вступала въ бой съ луками и рогатинами, но съ страшнымъ огнестрѣльнымъ войскомъ, которое мы должны считать въ такомъ количествѣ, что противъ одной головы нашей явится тысяча головъ съ ружьями. Имъ нельзя противопоставить чернь, живущую въ нашихъ краяхъ; она безоружна и непріучена къ войнѣ, а здѣшняя всегда употребляла оружіе — или по своеволю, или на службѣ республики. Все сказанное ведетъ къ заключенію, что эту ужасную войну приходится вести намъ самимъ; но какъ можетъ малочисленная шляхта противостоять множеству черни, которая въ союзѣ съ татарами?»

3) Побѣды, одержанныя козаками при Жолтыхъ-Волахъ и подъ Корсунемъ, а также опустошенія, производимыя гайдамацкими загонями, держали поляковъ въ паническомъ страхѣ. Этому страху козаки обязаны побѣдою подъ Пилявою, которую выиграли они, овладѣвъ всемъ польскимъ лагеремъ, совершенно безъ бою. Одинъ русскій лѣтописецъ такъ описываетъ положеніе поляковъ во время выбора короля въ Варшавѣ. «У ляховъ, хотъ ихъ и большое скопленіе было въ Варшавѣ, были заячьи уши. Такой страхъ ими, овладѣвъ, что послышать ли трескъ сухаго дерева, то готовы безъ памяти бѣжать къ Данцигу, и сквозь сонъ не одинъ тогда кричалъ: «Хмельницкій идетъ.» Оттого они все только и думали, какъ бы помириться съ грознымъ побѣдителемъ, и согласились на избраніе Казимира, чтобы угодить козакамъ, которые особенно страшны стали тогда, когда изъ Воли, гдѣ былъ сеймъ, видѣлись по вечерамъ зарева горящихъ панскихъ дворовъ и костеловъ.» Опасаясь движеній козаковъ на Польшу, поляки боялись, что при новыхъ успѣхахъ козаковъ, слабостию Польши поспѣшатъ воспользоваться непріязненные ей сосѣди.

«Теперь, когда нас постигло такое сиротство, — пишет Кисель в томъ же письмѣ архіепископу гнѣзненскому, — мы не знаемъ, что еще замышляетъ султанъ турецкій и москвитяне, которые вчерашняго дня дали знать, что, вслѣдствіе моихъ писемъ, отправленныхъ по приказанію короля, царь ихъ, исполняя условія братскаго союза, при посредствѣ моемъ заключеннаго, отправилъ 40,000 вспомогательнаго войска противъ татаръ. Это войско стояло уже въ 6 миляхъ отъ Путивля; но когда битва предварила ихъ прибытіе, когда успѣхи козаковъ уже стали имъ извѣстны и когда сдѣлается еще извѣстнымъ, что мы не имѣемъ государя: то кто можетъ поручиться за нихъ? Одна кровь, одна религія! Боже сохрани, чтобы они не замыслили чего нибудь противнаго нашему отечеству! Союзъ домашняго врага съ невѣрными такъ страшенъ, что едва ли республика можетъ противостоять ему собственными силами.»

Быть можетъ, опасенія Киселя и дѣйствительно сбылись бы, если бы Хмельницкій дѣйствовалъ болѣе смѣло и рѣшительно. Во всякомъ случаѣ движеніе на Варшаву при многочисленномъ войскѣ, полномъ самой искренней ненависти къ полякамъ, при союзѣ съ татарами, не имѣло для Хмельницкаго ничего опаснаго. Если бы оно и не удалось вполнѣ, то было бы полезно тѣмъ, что вполнѣ опредѣлило бы отношенія Малороссіи къ Польшѣ и указало бы первой прямой выходъ изъ ея труднаго положенія, избавивъ отъ бесполезныхъ войнъ, переговоровъ, трактатовъ....

Хмельницкій надѣялся достигнуть выгодныхъ соглашеній съ Польшею путемъ мирныхъ переговоровъ, подкрѣпляемыхъ грозною бѣлоцерковскою силою и ужасомъ гайдамацкихъ загоновъ.

Но польскій сеймъ, несмотря на незавидное свое положеніе, велъ себя съ достоинствомъ. Онъ едва согласился, и то благодаря только сильнымъ настояніямъ Оссолинскаго и Киселя, вступить въ переговоры съ козаками, и козацкой депутаціи вручилъ для передачи войску отвѣтъ такого содержанія, что хотя Рѣчь-Посполитая и могла бы отомстить козакамъ за поднятіе ими противъ нея оружія въ союзѣ съ невѣрными, но, не желая проливать христіанской крови, соглашается на ихъ униженныя просьбы, посылаетъ имъ комиссаровъ, не отказываетъ и въ прощеніи, но съ тѣмъ, чтобы они прежде отпустили всѣхъ плѣнниковъ, представили предводителей гайдамацкихъ шаекъ панамъ-комиссарамъ, разорвали бы союзъ съ татарами, давъ обѣщаніе и впредь не имѣть никакихъ съ ними сношеній. При этомъ сеймъ не отмѣнилъ сдѣланнаго имъ прежде постановленія о наборѣ 36,000 войска преимущественно изъ шляхетства и иностранцевъ для войны съ козаками.

Козацкая рада съ негодованіемъ выслушала отвѣтъ и требованіе сейма. «Возникъ ропотъ на Хмельницкаго за его медленность. Общій мнѣніемъ было то, что паны обманываютъ козаковъ, а Хмельницкій имъ поддается».

Хмельницкій, перехвативъ письмо Киселя въ Москву, въ которомъ послѣдній, представлявшій себя обыкновенно преданнымъ дѣлу козаковъ, писалъ между тѣмъ московскому двору о необходимости принять мѣры для подавленія козацкихъ бунтовъ къ общему спокойствію Москвы и Польши, — повидимому согласился съ своею радой, что паны ихъ обманываютъ. «Вижу, говорилъ онъ, что паны вѣдь коварно хотятъ обмануть, чтобъ потомъ мы, попавшись въ ихъ сѣти, подверглись судьбѣ Павлюка и Острилицы». Но на самомъ дѣлѣ онъ не отсталъ отъ мысли помириться съ поляками, какъ видно изъ всѣхъ послѣдующихъ его дѣйствій. Онъ думалъ, что если ему не удалось получить мира отъ временнаго правительства Польши, то онъ получитъ его отъ новозбраннаго короля; при этомъ рассчитывалъ онъ на то вліяніе, какое могъ имѣть на выборы и слѣдовательно на благодарность и благорасположеніе новаго короля. Поэтому онъ рѣшился, насколько могъ въ своемъ положеніи, удовлетворять требованіямъ сейма. Въ ласковомъ письмѣ онъ увѣрялъ Киселя «въ чистотѣ своихъ намѣреній и въ томъ, что козаки желаютъ быть вѣрными слугами Рѣчи-Посполитой, — писалъ, что онъ отступилъ-было и отпустилъ татаръ, но князь Вишневецкій своимъ безразсудствомъ и страшными неистовствами вновь раздулъ пламень войны». Въ угоду сейму и комиссарамъ, были наказаны нѣкоторые предводители гайдамацкихъ загоновъ. Кривоносъ былъ прикованъ на время къ пушкѣ, изъ другихъ кой-кто были казнены. Если Кисель не добился переговоровъ съ Хмельницкимъ, то, быть можетъ, этому дѣйствительно воспрепятствовали военныя замѣшательства, вопреки желанію Хмельницкаго, а быть можетъ Хмельницкій и не имѣлъ возможности вступить въ переговоры, изъ опасенія своей рады. Митрополиту, котораго Кисель въ этомъ случаѣ выбралъ своимъ посредникомъ, Хмельницкій говорилъ, что «онъ готовъ къ миру, но что его удерживаетъ рада». Мы охотно вѣримъ искренности этого признанія, судя по слѣдующимъ событіямъ. Хмельницкій долженъ былъ выказывать свои миролюбивыя расположенія къ Польшѣ очень осторожно, такъ какъ рада и народъ были исполнены самой ожесточенной ненависти къ Польшѣ, не хотѣли слышать ни о какихъ переговорахъ и уже подозрѣвали Хмельницкаго въ потачкѣ полякамъ.

Пилавское сраженіе, окончившееся одними герцами и стычками, могло бы сдѣлаться весьма гибельно бѣжавшимъ отъ страха въ
Т. LXXVIII. Отд. III.

безпорядкѣ полякамъ, если бы казаки дѣятельно ихъ преслѣдовали. По общему сознанию польскихъ лѣтописцевъ, польское войско спасено было отъ конечнаго пораженія бездѣйствіемъ козаковъ, такъ какъ побѣдители четыре дня послѣ бѣгства поляковъ пробыли въ оставленномъ ими лагерѣ.

Послѣ пилявскаго сраженія подѣ Збаражемъ, гетманъ созвалъ раду и предложилъ ей на рѣшеніе: что имъ далѣе дѣлать? Идти ли имъ въ глубь Польши кончать своихъ враговъ, или воротиться въ Украйну?

Самъ Хмельницкій прежде всѣхъ объявилъ свое мнѣніе, что лучше всего идти на Украйну, послать на сеймъ депутатовъ и дожидаться избранія короля. Такое мнѣніе изъ устъ предводителя было встрѣчено всеобщимъ негодованіемъ. И старшина, и чернь единогласно требовали, чтобы гетманъ велъ ихъ въ Варшаву. «Веды на ляхивъ! Кинчай ляхивъ!» кричалъ ему народъ. Хмельницкій притворно согласился съ мнѣніемъ рады, но чтобы отвлечь ихъ отъ похода на Польшу, представилъ такое соображеніе, что прежде, чѣмъ идти на поляковъ въ ихъ землю, надобно сначала очистить русскую землю отъ ляховъ, и вслѣдствіе этого разослалъ своихъ полковниковъ отрядами на Волынь и Полѣсье. Этотъ грабительскій родъ войны правился черни — и съ предложеніемъ гетмана согласились. Самъ гетманъ, подѣ предлогомъ преслѣдованія бѣжавшихъ изъ Пилявы, двинулся къ Львову, съ тѣмъ, чтобы, покоривъ этотъ городъ, идти въ Польшу.

Збаражскія распоряженія гетмана были, по нашему мнѣнію, второю и окончательною ошибкою, которою онъ погубилъ плоды всей кампаніи 1648 года. Если не предположить, что съ смертію Владислава возникло въ робкомъ гетманѣ искреннее желаніе помириться съ Польшею во что бы то ни стало, то всѣ его дѣйствія со времени корсунской битвы представляются самою злою шуткою, сыгранною насчетъ силъ русскаго народа. Рѣшительное намѣреніе уклониться отъ похода на Польшу, бесполезное отвлеченіе силъ къ Львову только для того, чтобы избѣжать этого похода, представляются до того странными въ предводителѣ русскаго народа, что польскіе писатели не умѣютъ объяснить ихъ себѣ иначе, какъ приписавъ збаражскія распоряженія вліянію окружавшихъ гетмана польскихъ шляхтичей, особенно Виговскаго, которые, по любви ли къ отечеству, или по другимъ побужденіямъ, дѣйствовали на умъ робкаго и нерѣшительнаго гетмана въ пользу Польши, и тѣмъ на этотъ разъ спасли свою націю.

Походъ на Львовъ и Замостье, предпринятый, какъ мы уже видѣли, безъ всякой нужды, единственно за тѣмъ только, чтобы не идти

кинуть *ляхивъ*, какъ требовалъ народъ, не походить на походъ правильного, благоустроеннаго войска. Это былъ хищническій или гайдамацкій набѣгъ, имѣвшій цѣлю поживиться. Приступая къ Львову, — который, замѣтимъ мимоходомъ, Хмельницкій считалъ городомъ русскимъ, а не польскимъ, — Хмельницкій объявилъ жителямъ его громкимъ письмомъ, что онъ «приходитъ къ нимъ, какъ освободитель русскаго народа; приходитъ избавить ихъ изъ неволи ляхской». Но этотъ освободитель русскаго народа изъ неволи ляхской, со слезами на глазахъ слушавшій отъ львовской депутаціи повѣсть о народныхъ бѣдствіяхъ въ Львовѣ, совершенно однакожь спокойно взялъ со Львова 200,000 червонныхъ злотыхъ контрибуціи, и изъ этой огромной суммы не убавилъ ни одного злотаго, несмотря на всѣ просьбы депутаціи. Кромѣ того, были сдѣланы отъ города очень значительные подарки ему, полковникамъ, есауламъ и т. д. Поживившись отъ Львова, Хмельницкій отправился къ Замостью, съ котораго тоже взялъ контрибуцію, хотя и не такую значительную, какъ со Львова. Смотря на эти дѣйствія гетмана, намъ невольно думается, что онъ въ это время не имѣлъ никакой мысли о той великой роли, которую впоследствии суждено ему было играть въ судьбѣ Малороссіи. Онъ считалъ себя *господиномъ минуты* — только до замиренія своего съ поляками, и потому не считалъ грѣшнымъ попользоваться въ это время, чѣмъ могъ, отъ кого бы то ни пришлось.

Приступая къ Замостью, Хмельницкій нашелъ нужнымъ отправить на сеймъ оправдательное письмо о своихъ дѣйствіяхъ, въ которомъ писалъ, между прочимъ, «что причиною всего кровопролитія Вишневецкій, — что козаки зашли въ Польшу единственно преслѣдуя Вишневецкаго, а сами попрежнему остаются вѣрными Польшѣ». Письмо отправлено было съ посольствомъ, которому было поручено хлопотать о томъ, чтобы въ королѣ избранъ былъ человекъ, расположенный къ козакамъ и вообще русскому народу. Хмельницкій указывалъ на брата Владиславова, Яна-Казимира, о которомъ писалъ и нѣкоторымъ магнатамъ. Надежда на новоизбраннаго короля, надежда получить отъ него выгодный миръ была въ миролюбиво-настроенномъ Хмельницкомъ надеждою утопающаго, хватающагося для спасенія своего за соломенку.... Какое, въ самомъ дѣлѣ, резонное основаніе могъ имѣть козацкій предводитель думать, что новоизбранный король промѣняетъ интересы польской аристократіи на интересы козаковъ, и ради послѣднихъ поставить себя во враждебное отношеніе къ первой? Но если бы онъ и дѣйствительно простеръ свою благосклонность къ козакамъ даже до забвенія своихъ личныхъ интересовъ, — что могъ онъ сдѣлать для нихъ при томъ ничтожномъ

значеніи, какое имѣлъ король въ Польшѣ? Конечно не болѣе того, что сдѣлалъ и Владиславъ, т. е. сознаться въ своемъ безсиліи и посоветовать козакамъ добывать правъ своихъ саблею.

Впрочемъ какъ бы то ни было, по желанію Хмельницкаго исполнилось. Королемъ былъ избранъ Янъ-Казиміръ. Въ то время, когда гетманъ стоялъ еще передъ Замостьемъ, отъ новаго короля прибылъ къ нему посланникъ съ письмомъ, повелѣвавшимъ отступить отъ Замостья въ Украину. «Козаки встрѣтили посланника съ распущенными знаменами, били въ котлы, играли на трубахъ, стрѣляли салютацію.» Самъ Хмельницкій былъ очень веселъ, пилъ съ посланникомъ за здоровье короля, при громѣ пушекъ, и говорилъ послу: «вотъ если бы вы еще лѣтомъ на конвокаціи выбрали короля, то не было бы того, что сдѣлалось. Хорошо, что выбрали Іоанна-Казимира; а если бы выбрали другаго, такъ я бы пошелъ въ Краковъ и далъ бы корону тому, кому бы захотѣлъ.» Затѣмъ козаки немедленно отступили отъ Замостья. Этому внезапному отступленію удивились и поляки, бывшіе въ Замостѣ, а еще болѣе удивились татары, союзники Хмельницкаго. Но Хмельницкій отвѣчалъ: «я подданный короля и слуга короля, а потому повинуюсь его повелѣнію.» Подданный и слуга короля, на пути изъ Замостья въ Украину, получилъ отъ короля булаву и хоругвь и новое посланіе короля съ увѣреніемъ о возвращеніи козацкому войску древнихъ его рыцарскихъ правъ, о подчиненіи его непосредственно королю, согласно желанію Хмельницкаго и т. п. «Хмельницкій былъ тронуть этимъ письмомъ», говоритъ авторъ. «Онъ видѣлъ въ немъ, какъ бы продолженіе плановъ Владислава и Оссолинскаго. Онъ надѣялся и мирнаго успѣха возрожденія Руси, и возвышенія королевскаго достоинства въ Польшѣ посредствомъ козаковъ.» Прибывъ по полученіи королевскаго письма въ Острогъ, Хмельницкій приказалъ загонямъ прекратить свои набѣги, народу оставить оружіе и издалъ дворянамъ универсалъ о непритѣсненіи русскихъ. Итакъ, казалось бы, дѣло кончено. Хмельницкій дождался короля, котораго такъ страстно желалъ, получилъ отъ него обнадеженіе въ утвержденіи правъ козаковъ и въ удовлетвореніи другихъ просьбъ своихъ. Хмельницкому оставалось только ожидать обѣщанныхъ распоряженій отъ любимаго короля...

Но здѣсь мы должны остановиться и начать иную повѣсть. Вѣтеръ, дувшій доселѣ благопріятно для польскаго короля, перемѣнился... У гетмана явились другіе виды.

Война козаковъ съ Польшею обратила на себя общее вниманіе сосѣднихъ иностранныхъ дворовъ. Судя по первымъ блестящимъ успѣхамъ козаковъ, вѣроятно, думали, что Малороссія должна скоро отдѣлиться отъ Польши. Иностранные дворы снѣжили привѣтство-

звать предводителя козаковъ съ блестящими успѣхами и предложить ему свой союзъ и дружбу. Когда гетманъ пріѣхалъ въ Переяславль, къ нему прибыли послы изъ Крыма, Турціи, Молдавіи, Трансильваніи, Московіи. Болѣе всѣхъ успѣлъ поладить съ гетманомъ турецкій посланникъ Ага-Османъ. Онъ прибылъ съ кропивенскимъ полковникомъ Джеджалыкомъ, котораго Хмельницкій посылалъ въ Константинополь. Джеджалыкъ, пользовавшійся уваженіемъ въ козачьемъ войскѣ, старался расположить гетмана въ пользу Турціи. Онъ выказывалъ турецкое правленіе и рассказывалъ, что христіане находящіеся подъ властію султана живутъ счастливо. Визирь съ своей стороны сообщилъ гетману, что турецкое правительство будетъ помогать ему и уже отправило приказаніе хану выступить съ ордою на помощь козакамъ, а силистрійскій паша съ своей стороны пришлетъ также отрядъ. Гетманъ принялъ предложеніе визиря и заключилъ съ Турціею такой договоръ, что «турки будутъ помогать ему, а онъ отдастъ имъ значительную часть Польскаго королевства отъ Дуная до Люблина, а Украина будетъ особою Рѣчью-Посполитою.»

Итакъ, виды гетмана относительно Польши перемѣнились, — и послѣдствія этой перемѣны, весьма впрочемъ недолговременной, какъ увидитъ читатель ниже, немедленно и весьма рѣзко обнаружались въ томъ оскорбительномъ приѣмѣ, который сдѣлалъ гетманъ, прибывшимъ отъ короля комиссарамъ. Комиссаровъ этихъ, пріѣхавшихъ за тѣмъ, чтобы объявить козакамъ прощеніе, вручить Хмельнику знаки гетманскаго достоинства, выслушать просьбы козаковъ и постановить съ ними условія мира, гетманъ принялъ такъ, какъ будто они прибыли съ какими нибудь враждебными для него намѣреніями. Началось съ того, что Хмельницкій мѣстомъ для торжественной аудіенціи комиссарамъ, на которой они должны были вручить ему знаки гетманскаго достоинства, назначилъ площадь. Комиссары, несмотря на то, что оскорбились этимъ, не смѣли ослушаться гетмана, — торжественная аудіенція обратилась въ потѣху. Рѣчи комиссаровъ, врученіе ими гетманскихъ знаменъ Хмельнику были прерываемы и сопровождаемы шумомъ толпы, насмѣшками, оскорбленіями, даже угрозами. Хмельницкій долженъ былъ два раза закричать крикуновъ, но и самъ наконецъ, вмѣсто благодарственной рѣчи королю, сказалъ комиссарамъ: «я придумалъ, было сказать панамъ, что нужно, а они (крикуны) у меня выбили стѣбъ изъ головы.» За обѣдомъ, на который за тѣмъ приглашены были къ Хмельнику комиссары, одного ксендза изъ ихъ свиты чуть-было не побили. Кисель, главный изъ комиссаровъ, просилъ къ себѣ на другой день Хмельническаго обѣда, но Хмельницкій обѣда не пріѣхалъ, а пріѣхалъ вечеромъ пьяный съ

нѣсколькимъ пьянымъ же полковниками, наговорилъ комиссарамъ разныхъ колкостей и дерзостей и дѣло кончилось опять такимъ анекдотомъ, что Хмельницкій закричалъ на одного пана: «смієшь ты мнѣ то казаты! до шибаныци не далеко!» На другой день Кисель отправилъ къ гетману своего племянника и князя Четвертинскаго испросить дозволенія начать переговоры. Они застали гетмана за бесѣдою съ полковниками и старшинами. На столѣ стояла горѣлка. Хмельницкій закричалъ на посланныхъ, «что ему теперь некогда ими заниматься, потому что онъ пьянъ и отправляетъ посла венгерскаго, что судъ и расправа будетъ имъ завтра; что, впрочемъ, ничего не выйдетъ изъ той комиссіи, о которой они хлопочутъ; черезъ три или четыре недѣли онъ начнетъ войну, повернетъ всѣхъ лаховъ вверхъ ногами, потопчетъ, и наконецъ отдастъ въ рабство турецкому султану; что онъ сдѣлаетъ короля свободнымъ, чтобы онъ могъ карать и казнить кого хочетъ; что хотя онъ человѣкъ и не большой, но по Божьей волѣ онъ теперь единовластный самодержецъ русскій; что напрасно они пугаютъ его шведами, — и шведы будутъ его; — а если бѣ и не такъ, то будь ихъ хоть 500 тысячъ, — не подужаютъ вони руськой, запорожской и татарской мочи.» Авторъ говоритъ, что дворяне не хотѣли отвѣчать на такую козацкую рѣчь. Нельзя не сознаться, что и отвѣчать на такую рѣчь было трудно, особенно если посланные имѣли намѣтованіе, что у Хмельницкаго въ каждую минуту не далеко и до шибаныци. Наконецъ комиссарамъ удалось ворваться къ Хмельницкому на переговоры; но, вѣроятно, потому они сами были не рады, что добились такого счастья. На убѣжденія Киселя оставить чернь при ея занятіяхъ, воевать съ одними козаками, число которыхъ увеличить до 15 или 20 тысячъ, и притомъ воевать не противъ христіанъ, а противъ поганныхъ, — Хмельницкій отвѣчалъ, что теперь поздно объ этомъ говорить съ нимъ, что надобно было говорить съ нимъ, когда Потоцкіе его искали и преслѣдовали на Дяблрѣ и за Дябпромъ, — было также время послѣ желтоводскаго и корсунскаго сраженій, при Пилявѣ, подъ Константиновымъ, предъ Замостьемъ, и даже тогда, когда онъ изъ Замостья шелъ шесть недѣль въ Кіевъ. «Теперь уже не время», продолжалъ гетманъ. «До-селѣ я сдѣлалъ то, о чемъ не думалъ; теперь сдѣлаю то, что я замыслилъ. Исторгну весь русскій народъ изъ лишской неволи. Прежде я воевалъ за обиду и неправду мнѣ, теперь буду воевать за нашу вѣру православную. Поможетъ мнѣ вся чернь до самаго Люблина и Кракова, и я не отступлю отъ нея; она первая наша охрана, — не одолѣете ее, не ударите и на козаковъ. Двѣсти, триста тысячъ буду имѣть своего войска; вся орда идетъ ко мнѣ на помощь, да еще поган; близко отъ меня стоитъ Тугай-бей, братъ мой, душа моя, единый на

свѣтъ соколъ, готовый сдѣлать все, чего я ни захочу; вѣчна наша козацкая пріязнь, которой не разорветъ свѣтъ. За границу войной не пойду; на турокъ и татаръ саблю не подниму; будетъ съ меня Украины, Волыни, Подоліи; до-сыта довольно княжества нашего по Хелмъ, Львовъ, Галичъ. А ставъ подъ Вислою, скажу остальнымъ ляхамъ: «сидѣть, ляхи! молчать, ляхи!» Туда загоню дуковъ и князей; а будутъ и за Вислою кричать, и тамъ ихъ найду, не останется ни одного князя, ни шляхтича на Украинѣ, а если который захочетъ ѣсть хлѣбъ съ нами, такъ повинуйся запорожскому войску, а на короля не брыкай.» Говоря эти слова, гетманъ вскакивалъ съ мѣста, топалъ ногами, рвалъ на себѣ волосы. «Такъ разъярился, замѣчали потомъ комиссары, съ такою фурією кричалъ, что мы, слушая, подеревенѣли.» Такіе пріемы, дѣлаемые гетманомъ комиссарамъ любимаго короля, до того напугали послѣднихъ, что они начали побаиваться не только за свою личность, но и за жизнь, особенно послѣ того, какъ въ одинъ день Хмельницкій не велѣлъ допускать ихъ къ себѣ. Но наконецъ комиссарамъ чрезъ посредство Виговскаго удалось добиться и такого свиданія съ гетманомъ, на которомъ они успѣли получить отъ гетмана условія мира, а до заключенія мира постановлено было перемиріе. Но гетманъ и слышать не хотѣлъ ни о какой перемѣнѣ въ данныхъ имъ условіяхъ. Онъ прямо объявилъ, что козаки и онъ «до тѣхъ поръ будутъ держать мечъ обнаженнымъ, пока станетъ жизни и пока они не добьются вольности; что лучше голову положить, чѣмъ воротиться въ неволю.» «Скажите, сказалъ въ заключеніе гетманъ: — это королю; кромѣ написанныхъ условій ничего не будетъ.» Съ этимъ комиссары и должны были отправиться домой, и были рады, что успѣли по крайней мѣрѣ цѣлы и невредимы выѣхать изъ Украины.

Прочитавъ этотъ разсказъ о пріемѣ Хмельницкимъ польскихъ комиссаровъ, переданный нами нарочно съ нѣкоторой подробностью, судя по рѣчамъ Хмельницкаго комиссарамъ, читатель, пожалуй, подумаетъ, что Хмельницкій въ самомъ дѣлѣ рѣшился на разрывъ съ Польшею, что онъ поставилъ наконецъ для себя опредѣленную цѣль войны — добиться во что бы то ни стало свободы Малороссіи, выгнать изъ нея всѣхъ ляховъ и т. д., и что этой цѣли онъ будетъ держаться твердо и неуклонно или, говоря словами Хмельницкаго, «до тѣхъ поръ будетъ держать мечъ обнаженнымъ, пока станетъ жизни и пока не добьется вольности, — что лучше голову положить, чѣмъ воротиться въ неволю». Напрасно! Мы скоро увидимъ, что никакихъ новыхъ плановъ не явилось у гетмана относительно Польши. Вся эта комедія, разыгранная съ польскими комиссарами, была мимолетнымъ порожденіемъ мелочнаго тщесла-

вія, сильно въ то время возбужденнаго въ гетманѣ договоромъ, заключеннымъ съ Турціею и пребываніемъ въ Переяславлѣ иностранныхъ посольствъ. Натурально, что съ заключеніемъ союза съ Турціею, имѣвшаго въ виду исполненіе такихъ блистательныхъ плановъ, много должно было на первыхъ порахъ возникнуть новыхъ надеждъ въ гетманѣ. Въ немъ заронились мечты о новой Малороссіи, не той, которую онъ поредъ собою видѣлъ, терзаемой и покоряемой поляками, а о другой, — Малороссіи свободной, самостоятельной, въ которой не будетъ ни одного пана, ни одного ляха, когда онъ будетъ единовластнымъ самодержцемъ, когда онъ простретъ свое вліяніе даже на Польшу, изгонитъ изъ нея непокорныхъ королю поляковъ и отошлетъ ихъ въ неволю въ Турцію, когда король польскій, по его милости, сдѣлается такимъ же единовластнымъ, какъ онъ самъ.... Эти пріятныя мечты находили себѣ новую пищу и поддержку въ оказанномъ гетману, какъ нельзя болѣе кстати, вниманіи иностранныхъ дворовъ. Еще недавно былъ онъ, если не холопомъ, то не болѣе какъ козакомъ, съ которымъ каждый панъ почиталъ себя въ правѣ обходиться не иначе, какъ *внушительно*, котораго могъ обидѣть безнаказанно даже какой нибудь подстароста Чаплинскій, котораго справедливыя жалобы ни въ комъ не нашли сочувствія и правды, а напротивъ были встрѣчены кой-гдѣ съ насмѣшками, — и вдругъ этотъ недавній козакъ сдѣлался предводителемъ грознаго войска, повелителемъ цѣлаго народа, — у ногъ его лежали люди, назадъ тому нѣсколько мѣсяцевъ не пускавшіе его далѣе своей передней, и дружбы его искали коронованныя главы. Забыться было отчего! — и гетманъ забылся. Еще недавно гордился онъ названіемъ слуги и подданнаго короля, былъ въ восторгѣ отъ писемъ Яна-Казимира, обнадеживавшаго его въ своей милости, и обѣщалъ всего ждать отъ короля, — и вотъ, пріѣхавъ въ Переяславль, едва почувствовавъ то значеніе, которое придаютъ его подвигамъ и побѣдамъ дворы иностранныя, гетманъ забылъ свое вѣрноподданничество и короля, и заключилъ съ султаномъ наступательный союзъ противъ Польши. Но для мелкаго тщеславія гетмана было этого недостаточно. Для мнимаго увеличенія своего значенія ему хотѣлось, въ виду чужеземныхъ пословъ, опозорить посольство того короля, милостей котораго онъ еще недавно добивался и благосклонностью котораго гордился. И вотъ онъ приготовляетъ комиссарамъ короля потѣшную аудіенцію, подвергая ихъ насмѣшкамъ черни, дѣлаетъ имъ оскорбительныя пріемы, грубости съ ними доводитъ до площаднаго цинизма, держитъ ихъ хуже, чѣмъ плѣнниковъ. Авторъ говоритъ: «Хмельницкій дождался комиссаровъ болѣе мѣсяца: ему хотѣлось показать предъ чу-

чужеземными послами, какъ представители Рѣчи Посполитой, недвѣнно презиравшіе козаковъ, какъ рабовъ своихъ, будутъ просить у нихъ пощады» (I, 306). Но польскіе комиссары прибыли къ Хмельницкому вовсе не затѣмъ, чтобы просить пощады. Они пришли, какъ представители короля, уполномоченные вручить гетману знаки гетманскаго достоинства, объявить козакамъ милость короля, выслушать ихъ просьбы и требованія, — и пришли не сами собой, а по желанію, по просьбамъ самого гетмана. Политическимъ разсчетомъ со стороны Хмельницкаго, нуждавшагося въ союзѣ съ иностранными дворами, было бы показать чужеземнымъ посламъ, что онъ умѣетъ уважать представителей милостиваго къ нему короля, хотя и недоволенъ союзомъ съ Польшей, или ужъ по крайней мѣрѣ не дѣлать ихъ позорищемъ для народа. Приѣмъ же, который сдѣлалъ Хмельницкій польскимъ комиссарамъ, я думаю, заставилъ не одного посла сказать о козакахъ то же, что сказалъ о нихъ посолъ Ракочи, венгерскій магнатъ, еще не видѣвъ варварскаго приѣма польскихъ комиссаровъ: «poenitet me ad istas bestias crudeles venisse».

Желанный и любимый Хмельницкимъ король, несмотря на всѣ увѣренія Хмельницкаго въ вѣрноподданничествѣ, съ своей стороны не очень полагался на своего подданнаго и слугу. Еще въ то время, когда польскіе комиссары находились въ Украинѣ, на сеймѣ было рѣшено собрать противъ козаковъ 30,000 войска, а если будетъ нужно, то и посполитое рушеніе. Начальство надъ войскомъ принялъ самъ король. Условія, предложенныя Хмельницкимъ комиссарамъ, сеймомъ не были приняты, — и война началась. Надобно было ожидать, что послѣ тѣхъ рацей, которыя плѣлъ Хмельницкій въ намѣреніи своемъ добиться, во что бы то ни стало, свободы Малороссіи, не полагать меча, пока не добьется этой свободы, онъ въ самомъ дѣлѣ сдѣлается благоразумнѣе, не будетъ играть своими побѣдами, обращать ихъ ни во что. Напрасное ожиданіе. Счастіе благоприятствовало козакамъ, какъ и прежде. Подъ Зборовымъ, при помощи татаръ, они нанесли полякамъ, предводимымъ самимъ королемъ, окончательное пораженіе. Козаки, завладѣвъ всѣмъ польскимъ лагеремъ, разсѣяли наконецъ охранительную стражу короля. Оставшись въ одиночку, король въ плѣнѣ. Но «все, — говоритъ авторъ, — измѣнилось въ минуту. Изъ союзнаго лагеря раздался голосъ: «згода.» Хмельницкій приказалъ остановить битву. Хмельницкій (говоритъ современникъ) не хотѣлъ, чтобы монархъ христіанскій достался въ бусурманскую волю» (т. I, стр. 425). Подобный поступокъ въ то время, о которомъ плетъ рѣчь, и со стороны козацкаго гетмана, совершенно удивительно казнившего, вѣшавшаго, сажавшаго на колъ хлоповъ

по ничтожнымъ часто винамъ, — былъ удивительною сентиментальностью, не извинительною тѣмъ болѣе, что она въ ничто обратила его побѣду. Въмѣсто того, чтобы взять въ плѣнъ короля и удержавъ тѣмъ при себѣ союзниковъ-татаръ, идти немедленно на новыя пораженія поляковъ, ошеломленныхъ зборовскою побѣдою и плѣномъ короля, и затѣмъ предписать имъ условія, какія будетъ нужно, — Хмельницкій выпустилъ короля и тѣмъ потерялъ союзниковъ-татаръ, которымъ ничего болѣе не оставалась дѣлать, какъ заключить съ Польшею отдѣльный миръ. Съ своей стороны и Хмельницкій долженъ былъ заключить съ поляками мирный договоръ, повидимому, *блистательный*, — такъ какъ поляки вынуждены были согласиться на такія условія, какихъ не принимали ни прежде, ни послѣ зборовскаго договора отъ казаковъ, — но на самомъ дѣлѣ *весьма жалкій*. Онъ былъ далеко ниже не только хвастливыхъ рѣчей гетмана предъ комиссарами, но не утверждалъ даже и тѣхъ предварительныхъ условій мира, переданныхъ Хмельницкимъ комиссарамъ, изъ-за непринятія которыхъ сеймомъ началась война. Предварительныя условія не ограничивали числа реестровыхъ козаковъ. Когда комиссары, принявшіе эти условія отъ Хмельницкаго въ Переяславлѣ, просили его въ то время означить: сколько именно желаетъ онъ имѣть реестровыхъ козаковъ, Хмельницкій отвѣчалъ: «на що ихъ писаты? — буде ихъ стильки, скільки я схочу.» Зборовскій трактатъ ограничивалъ число ихъ только 40,000. Пунктъ о числѣ реестровыхъ козаковъ былъ самый важный и имѣлъ, какъ увидимъ, великое значеніе для малороссійскаго народа; другіе пункты предварительныхъ условій были или также ограничены, или вовсе не утверждены трактатомъ. Такъ не утвержденъ былъ пунктъ о подчиненности гетмана непосредственно и исключительно самому королю. Для войска запорожскаго указаны только извѣстные города и мѣста. Пребываніе жидовъ воспрещалось не повсюду въ Украинѣ, какъ требовалось условіями, а только въ мѣстахъ жительства запорожскаго войска. Въ этихъ мѣстахъ не могли занимать квартиръ и коронныя войска. Пребываніе іезуитовъ воспрещалось только въ Кіевѣ и въ другихъ городахъ, гдѣ есть привилегированныя русскія школы. Относительно уніи въ предварительныхъ условіяхъ требовалось, чтобы не было на Руси ни имени, ни памяти, ни слѣда ея. Въ трактатѣ глухо было сказано, что объ уніи будетъ сдѣлано постановленіе въ присутствіи и по желанію отца митрополита кіевскаго, которому позволялось засѣдать въ польскомъ сенатѣ. Въ воеводствахъ кіевскомъ, брацлавскомъ, черниговскомъ должности предоставляются только лицамъ православнаго исповѣданія. Мы перечислили всѣ статьи Зборовскаго трактата, касающіяся правъ и преимуществъ народныхъ. Гдѣ же великолѣпные возгласы

Хмельницкаго о свободѣ всего русскаго народа, объ изгнаніи всѣхъ поляковъ изъ Украины? Гдѣ его обѣщаніе «держать мечъ обнаженнымъ до тѣхъ поръ, пока станетъ жизни и пока не добьются вольности, и что лучше голову положить, чѣмъ возвратиться въ неволю»? Значитъ, что Хмельницкаго ничто не вынуждало къ такому миру. Современный историкъ справедливо говоритъ, что Хмельницкій находился тогда въ такомъ положеніи, которое давало козакамъ право на окончаніе войны, болѣе счастливое и прочное для южной Руси.

Прежде, нежели будемъ говорить о послѣдствіяхъ зборовскаго трактата, посмотримъ, какъ этотъ надменный повелитель, котораго видѣли въ Переяславѣ насмѣхавшимся надъ представителями короля и общавшимъ повернуть вверхъ ногами, потоптать и даже отдать въ неволю турецкому султану всѣхъ поляковъ — ведетъ себя во время зборовскихъ переговоровъ. Когда начались переговоры о заключеніи трактата съ Крымомъ, визирь крымскаго хана, Шефферъ Кази, привелъ съ собой и Хмельницкаго. «Хмельницкій, — говоритъ лѣтописецъ, — принялъ видъ смиренника; только что завидѣлъ Оссолинскаго, тотчасъ снялъ шанку, отвѣсилъ поклонъ и въ продолженіе переговоровъ стоялъ поодаль, не говоря ни слова» (I, 430); «по окончаніи переговоровъ съ крымцами, выступилъ и Хмельницкій. Онъ увѣрялъ въ своемъ искреннемъ расположеніи и общалъ впередъ вѣрно служить Рѣчи Посполитой.» Когда трактатъ зборовскій былъ подписанъ королемъ, Хмельницкій, присягнувъ на вѣрность королю, воскликнулъ: «да позволить же его королевское величество упасть къ ногамъ его!» Такое вѣрноподданническое желаніе поправилось панамъ. Введенный къ королю, Хмельницкій, преклонивъ одно колѣно, проговорилъ рѣчь, въ которой по обыкновенію своему увѣрялъ короля, что «у него никогда и въ мысли не было поднимать оружіе противъ его величества, государя милосердаго и невиннаго въ страданіяхъ козаковъ, — что они, козаки, возстали только противъ тѣхъ, которые презирали козаковъ, какъ пресмыкающихся, и угнетали ихъ, какъ самыхъ послѣднихъ рабовъ.» Затѣмъ Хмельницкій съ почтеніемъ поднималъ ласково, но безмолвно, протянутую ему королемъ руку. И такъ Хмельницкій снова сталъ подданнымъ и слугою короля.

Зборовскимъ трактатомъ не были довольны ни поляки, ни русскіе. Сѣмъ, только вынужденный крайними обстоятельствами, утверждалъ трактатъ, но исполнять его вовсе не думалъ, и на первый же разъ отказалъ прибывшему въ Варшаву кіевскому митрополиту въ присутствіи въ сенатѣ. Съ своей стороны возсталъ противъ трактата и русскій народъ. Лишь только сдѣлались извѣстны народу универсалы гетмана и короля, которыми не вошедшимъ въ составъ регулярныхъ козаковъ вѣрно было повиноваться панамъ попрежне-

му, — вспыхнуло всеобщее возстаніе. «Какъ? (кричалъ народъ) Гдѣ же обѣщаніе гетмана? Развѣ мы не были козаками?» «Хлопы на отрѣзъ отказались служить панамъ. Большая часть пановъ едва только вступила въ свои имѣнія, какъ тотчасъ же должна была спастись бѣгствомъ, а многіе заплатили жизнью за попытку управлять удалыми головами» (II, 24). «Строгія мѣры, принятыя нѣкоторыми сильными панами противъ хлоповъ, только увеличили силу возстанія. Въ это время избавитель народа, который вовлекъ его въ бесплодную войны, кончившіяся ничѣмъ, началъ казнить непокорныхъ (!?), вѣшать, сажать на колъ, и чрезъ это — имя его, которое до того времени произносилось съ благоговѣніемъ русскими, стало у многихъ предметомъ омерзѣнія» (II, 29). Мы прибавимъ съ своей стороны, что этого оно и заслуживало. Народъ, который по приглашенію гетмана поголовно взялся за оружіе въ надеждѣ обѣщанной ему свободы, который жертвовалъ за это охотно своею жизнью и послѣднимъ имуществомъ, который наконецъ завоевалъ ее многими славными побѣдами, обращенными въ ничто самимъ гетманомъ, достойнъ былъ лучшей участи, чѣмъ видѣть своихъ сподвижниковъ казнимыми, вѣшаемыми, сажаемыми на колъ, только за требованіе обѣщанной свободы. Нашлись однако люди, которые не боялись ни казней, ни вѣшанія, ни сажанія на колъ, — которыхъ слова не могъ не уважать самъ гетманъ. Таковъ былъ храбрый брацлавскій полковникъ Нечай. Онъ послалъ къ гетману депутацію, которая объявила Хмельницкому, что если онъ будетъ поступать подобнымъ образомъ, то они выберутъ другаго гетмана, «который лучше постоитъ за нихъ.» Что же сдѣлалъ Хмельницкій? — «Гетманъ уболся, чтобъ его не свергли съ гетманства и прибѣгнулъ къ изворотамъ», то есть къ обыкновеннымъ своимъ полумѢрамъ. Онъ дозволилъ всѣмъ желающимъ поступать въ козаки охочіе, такъ какъ по несчастному зборовскому трактату число реестровыхъ было опредѣлено, но вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы не показывать полякамъ, что онъ «потворствуетъ народнымъ волненіямъ, онъ отрубилъ еще нѣкоторые головы» (!?) (II, 10). Но такими полумѢрами гетманъ, само собою разумѣется, не могъ ничего заслужить, кромѣ большаго еще отвращенія и со стороны поляковъ и со стороны русскихъ. Весь народъ, конечно, не могъ записаться въ охочіе. Украина волновалась изъ конца въ конецъ. Хлопы продолжали вести противъ пановъ *загоны*, паны съ своей стороны, гдѣ были сильны, дѣлали всѣвозможныя истязанія хлопамъ. Ни универсалы гетмана, предписывавшіе прекращеніе возстанія, ни даже жестокія наказанія его ничего не помогали. Дѣло дошло до того, что не было возможности наказывать непокорныхъ. «Виновныхъ было такъ много, что власть Хмель-

никого не могла съ ними сладить.» «Тогда только избавитель народа началъ недостаточность зборовскаго трактата, и рѣшился на предсто-ящее сеймѣ требовать совершеннаго уничтоженія владѣльческаго права, а потому пересталъ наказывать за непослушаніе панамъ» (II, 72). Но было уже поздно. Представленные гетманомъ на сеймѣ статьи, въ которыхъ между прочимъ требовалось, чтобы: въ воеводствахъ кievскомъ, брацлавскомъ, черниговскомъ ни одинъ панъ и шляхтичъ, владѣющій землями, не имѣлъ власти надъ крестьянами; чтобы желающіе жить здѣсь пользовались правами, одинаковыми со всѣми и находились въ повиновеніи у козацкаго гетмана; чтобы вѣрность этого договора, если онъ будетъ принятъ Польшею, была обезпечена выдачею козакамъ въ заложники четырехъ знатнѣйшихъ пановъ: Іереміи Вишневецкаго, Александра Конецпольскаго, Любомирскаго и Калиновскаго». Эти статьи были отвергнуты сеймомъ съ негодованіемъ. Польша начала новую войну съ козаками, кончившуюся совершеннымъ пораженіемъ козаковъ при Берестечкѣ.

Но это самое пораженіе, дѣйствительно ужасное, показало, какими людьми предводительствовалъ Хмельницкій и что могъ бы съ этими людьми сдѣлать другой предводитель. Лишившись предводителя въ то самое время, какъ сраженіе приняло неблагопріятный для войска козацкаго оборотъ (Хмельницкій уѣхалъ за бѣжавшимъ съ поля сраженія татарскимъ ханомъ, чтобы убѣдить его воротиться назадъ, но былъ ханомъ взятъ въ плѣнъ), окруженные отовсюду поляками, страдая неурядицею отъ безначалія, громимые сильною артиллеріею, — однимъ словомъ: не видя себѣ ни откуда спасенія, козаки не хотѣли, однакожъ, иначе сдаться, какъ на условіяхъ зборовскаго договора, которыя поляки считали для себя постыдными.

Когда поляки завладѣли лагеремъ, орудіями, знаменами, всѣмъ обозомъ, нашли еще три тысячи храбрыхъ, которые рѣшились сдаться отъ поляковъ.

«Зная небольшой холмъ, они дорого продали жизнь свою, защищаясь мужественно, перебили множество враговъ; а когда увидѣли, что на нихъ со всѣхъ сторонъ наступаетъ сильное войско, тогда бросились въ рѣку, предпочитая смерть рабству. Осталось изъ нихъ триста человекъ; они засѣли на небольшомъ островѣ, на рѣкѣ Смыри, и оборонялись цѣлый день; сколько ни подходили къ нимъ шляхтичи, козаки долго выжили по нимъ и мѣтко задѣвали ихъ косами, коль скоро козаки отважный бросался черезъ воду. Послѣ неудачныхъ попытокъ взять храбрецами, долго начальники не могли вызвать на нихъ сдаться. Потоцкій послалъ депутатовъ къ этимъ отчаяннымъ, для которыхъ не существовалъ страхъ смерти.

«— Панъ Краковскій, говорилъ депутатъ: — удивляется вашей храбрости и, жалѣя такихъ мужественныхъ воиновъ, даруетъ вамъ жизнь, если вы сдадитесь.

«— Скажите пану Краковскому, отвѣчали козаки: — чтобы онъ такъ не думалъ о козакахъ. Нѣтъ, ляхи, не проведете насъ общаніями: намъ жизнь не дорога, а милостями враговъ мы гнушаемся.

«Они показали множество серебра и золота, которое унесли съ собою изъ лагеря.

«— Смотрите, продолжали они: — какъ мало значить для насъ добро мірское. — Драгоценности полетѣли въ воду въ глазахъ изумленныхъ поляковъ.

«— Знайте, прибавили козаки: — что свобода для козака всего дороже.

«Потоцкій послалъ на нихъ двѣ хоругви. Самъ король прибѣжалъ смотрѣть на это рѣдкое зрѣлище. Они обняли другъ друга, прочитали молитву и бросились на поляковъ; каждый изъ нихъ не прежде разставался съ жизнію, какъ убивъ врага и сказавъ ободрительное слово товарищу. Цѣлая сотня полка Радзивиллова погибла прежде, чѣмъ перебили неустрашимыхъ русскихъ. Оставался только одинъ изъ храбрыхъ; онъ вскочилъ въ лодку и почалъ отмахиваться косою. Четырнадцать пуль запустили въ него: — онъ былъ еще живъ и держался! Одинъ жолнеръ бросился на него также съ косою и попытался назадъ. Король приказалъ сказать козаку, что удивляется его храбрости и даруетъ ему жизнь.

«Я гнушаюсь жизнью (отвѣчалъ воинъ), — хочу умереть, какъ истинный козакъ!

«Нѣсколько нѣмцевъ вошли по шею въ воду и закололи его коньями» (II, 178).

Изъ этого эпизода битвы при Берестечкѣ, такъ прекрасно переданнаго авторомъ, читатель видитъ, какъ твердо рѣшился народъ малороссійскій добывать себѣ свободу, и какъ легко и охотно онъ умѣлъ умирать за нее. Можно было побѣдить его, но и послѣ побѣды трудно было надѣяться найти въ немъ ту покорность, которой желали поляки. Это скоро увидѣли и король, и паны.

Послѣ битвы при Берестечкѣ король первоначально рѣшился — было идти самъ съ войсками въ Украину до самаго Кіева.

«Онъ отправился по дорогѣ въ Кременецъ и по всюду встрѣчали поляки несчастные остатки сокрушенной русской силы. Во время бѣгства потонуло и было побито 22 тысячи русскихъ. Страна вокругъ была разорена и опустѣла; тѣ, которые успѣли пробиться изъ табора, умирали отъ голода, особенно пѣшіе. Поля были усыяны ихъ трупами. Когда поляки ѣхали лѣсами, лѣсной гулъ доносилъ до нихъ со всѣхъ сторонъ крики умирающихъ, которые напрасно старались поддержать жизнь корнями и травами. Слыша топотъ коней и польскую

рѣчь, русскіе силились бѣжать; но подламывались ихъ ноги и, спасаясь отъ враговъ, они заползали въ кусты, какъ подстрѣленные птицы, желая по крайней мѣрѣ умереть не въ рукахъ непріятелей. Король приказалъ подбирать ихъ и кормить изъ состраданія, потому что, какъ замѣчаетъ современникъ, они были хотя не дворяне, а все-таки подданные, годные для того, чтобы служить дворянству. Но русскіе съ омерзѣніемъ отворачивались отъ собственного хлѣба, который теперь предлагали имъ побѣдители, и разбивали головы о пни и камни. Такое зрѣлище представлялось полякамъ до самой рѣки Иквы. (II, 188).

«Когда наконецъ войско достигло предѣловъ Украйны, жолнеры съ радостію увидѣли хлѣбъ на поляхъ, но вскорѣ эта радость исчезла; люди убѣжали и сожгли мельницы; пѣхота принуждена была довольствоваться жареными зернами. Въ Любартовѣ Потоцкій получилъ такое посланіе отъ четырехъ козацкихъ полковниковъ: бѣлоцерковского, — Громыки, — Миргородскаго, Гладкаго, Джеджалька и Пушкаренка:

«Поляки! заключимъ искренній и братскій миръ. Вы можете побѣдять насъ выгодными условіями, но завоевать — никогда, знайте это. И если вы насъ теперь одолѣете, то козаки будутъ непреклонны въ своемъ мнѣніи, чѣмъ въ борьбѣ за свою свободу» (II, 193).

Истина словъ этого воззванія оправдывалась все болѣе и болѣе, по мѣрѣ углубленія походовъ въ Украйну.

«Жители съ ожесточеніемъ жгли на поляхъ собственный хлѣбъ, разоряли свои хаты, загоняли въ замки скотину, увозили припасы, чтобы не дать врагамъ ни пристанища, ни пропитанія. Поляки скоро почувствовали это ожесточеніе народа. Сначала было они обрадовались, когда вышли изъ Любара и потянулись по обѣтованной землѣ, какъ называли они Украйну; черезъ нѣсколько дней все измѣнилось: паньы за большія деньги могли достать себѣ живности, а «меду, пива или вина (говоритъ современникъ) могъ отвѣдать развѣ Потоцкій» да и то заплатить вчетверо за дурное пиво, какого и слуга его не сталъ бы пить въ другое время. Во время похода безпрестанно нападали на нихъ вооруженныя партіи; въ виду ихъ отнимали возы, лошадей, останавливали на переправахъ, ломали мосты и кричали: «колы злумаєте по-бити, то и нога ваша не втече» (II, 212).

Взятіе поляками Трипсъ, соединенное съ варварскимъ кровопролитіемъ, грабежи, насилія и истязанія въ Кіевѣ, пожаръ кіевскій, еще болѣе ожесточили народъ русскій.

«Русскіе, скрываясь по лѣсамъ, насккивали изподтишка на враговъ и отомщали на плѣнникахъ кровь своихъ братьевъ и пепелъ ихъ жилищъ; они преслѣдовали съ особеннымъ ожесточеніемъ нѣмцевъ, потому что нѣмцы выказали себя свирѣпыми при взятіи мѣстечка. При виде плѣнниковъ въ уединенныя ущелья, они сажали ихъ за столъ, подавали медомъ и виномъ, вели пріятельскіе разговоры, потомъ, по-

ругавшись вдоволь, сажали на колъ, сдирали кожи и прокалывали рожнами» (II, 222).

Такое настроеніе умовъ было во всей Украинѣ. Поляки встрѣтили здѣсь ту самую силу, о которую въ наше время сокрушились полчища Наполеона I въ Испаніи и которая непобѣдима ни для какого войска. Умнѣйшіе изъ пановъ видѣли, что всѣ ихъ побѣды не поведутъ ни къ чему. «Если подѣ Берестечкомъ, — говорилъ Адамъ Кисель, — въ чужой землѣ, окруженные войскомъ, второе ихъ многочисленнѣйшимъ, оставленные своимъ вождемъ и татарами, находясь въ дурномъ мѣстоположеніи, козаки не только не сдались, но въ виду нашемъ ушли и разрушили наши предположенія, то какъ можно легко покорить этотъ народъ въ собственной землѣ его? Мы должны быть довольны и тѣмъ, что можемъ залечить хоть на время эти раны (Кисель говорилъ это предъ заключеніемъ Бѣлоцерковскаго мира) и получить потомъ средства укротить и приучить къ повиновенію простонародье» (II, 248). Такой же отзывъ давалъ Потоцкій: «русскій народъ тогда только можетъ быть побѣжденъ оружіемъ, — говорилъ онъ, — когда погибнетъ, и когда цѣлый край сдѣлается безлюднымъ, и граница королевская останется открытою для невѣрныхъ.» Однимъ словомъ, — полякамъ нуженъ былъ хоть какой нибудь миръ съ козаками, потому что во время мира, при помощи усерднаго гетмана, который будетъ сажать на колъ ищущихъ свободы, какъ непокорныхъ законной власти, они скорѣе могли надѣяться покорить себѣ народъ, чѣмъ всѣми возможными побѣдами. Къ тому же нельзя было надѣяться и на постоянное военное счастье, особенно если при такомъ духѣ, одушевляющемъ цѣлый народъ, станетъ во главѣ народа достойный его предводитель. А опасаться этого былъ поводъ. Козаки давно уже были недовольны Хмельницкимъ.

Къ счастью поляковъ, во главѣ народнаго возстанія сталъ снова Хмельницкій. Явившись изъ плѣна въ Малороссію, онъ издалъ универсалъ, которымъ призывалъ народъ на защиту отечества. И «плодовитая матка козацкая, Украина, говоритъ русскій лѣтописецъ, возродила козачество, какъ будто не было берестечскаго пораженія. Повсюду собирались толпы русскаго народа и клялись умереть, а не поддаться врагамъ» (II, 209). Итакъ это былъ тотъ же самый народъ, что и прежде, полный непримиримой ненависти къ полякамъ, полный благородныхъ порывовъ самоотверженія, готовый идти на смерть за свою свободу. Но для Хмельницкаго оцѣ былъ уже не тотъ. Звѣзда счастья Хмельницкаго померкла — народъ отчуждился отъ него. Авторъ такъ описываетъ состояніе войска и собравшагося по призыву Хмельницкаго народа:

«Не было ни порядка, ни единодушія въ этихъ разсѣянныхъ ополченіяхъ. Одни утѣшали себя тѣмъ, что быть можетъ придутъ турки и Украйнѣ будетъ легче подъ властью Султана; другіе называли Хмельницкаго измѣнникомъ за сношенія съ бусурманами. По разнымъ мѣстамъ буйныя головы выбирали себѣ предводителей и не хотѣли признать власти Хмельницкаго. Въ самой радѣ происходили разногласія: Выговскій и другіе шляхтичи, спасенные козаками и вступившіе въ козацкое званіе, думали помириться съ поляками; другіе не соглашались ни за что, готовы были лучше отдаться Турціи или Московіи (II, 210). Власть Хмельницкаго колебалась; полковники дѣйствовали отъ него отдѣльно.... Хмельницкій боялся не только враговъ, но собственныхъ подчиненныхъ, которые не хотѣли ему повиноваться, дѣйствовали храбро, но своевольно» (II, 223).

На всю эту неурядицу авторъ справедливо смотритъ, какъ на причину того затруднительнаго состоянія, въ какомъ находился Хмельницкій по возвращеніи изъ плѣна. Но авторъ не говоритъ намъ, отчего происходила самая неурядица, — это своеволіе народа и войска, это недоувѣріе къ Хмельницкому и т. д. Намъ кажется, что причина всего этого заключалась въ самомъ Хмельницкомъ, въ его безразсудномъ образѣ дѣйствій, въ его бесплодныхъ для народа войнахъ и трактатахъ, въ пренебреженіи имъ интересовъ и требованій народа. Вотъ что высказано было ему прямо, когда онъ велъ переговоры о заключеніи Бѣлоцерковскаго трактата, и высказано, думаетъ мы, справедливо:

«— Отъ-такъ-то ты, пане гетмане, зъ ляхами трахтуешь, а насъ покидаешь и одъ орды одступаешься! Самъ себѣ та старшину вызволяешь, а насъ знати не хочешь. Самъ еси прививъ на все, що мы пидялялись на панивъ, а тепѣрь оддаешь насъ, бидныхъ, на муки пилъ кій та батоги, на пали та на шибаныци. Але ни, прежь ніжъ до того дидѣтся, и ты самъ наложишь голову и ни одинъ ляхъ живѣмъ видѣли не выиде.»

Ясно, что Хмельницкому было легко выйти изъ своего затруднительнаго положенія. Ему стоило только рѣшиться разъ навсегда связать неразрывно интересы свои съ интересами и требованіями народа, идти одной съ нимъ дорогой, съ нимъ вмѣстѣ жить или умереть за свободу, — и онъ снова сталъ бы идоломъ своего народа.

Иначе дѣйствовалъ гетманъ. Вступивъ по возвращеніи изъ плѣна въ предводительство войскомъ, онъ, не испытавъ военного счастья, не претерпѣвъ никакихъ неудачъ, вопреки нежеланію народа вступилъ съ поляками въ сношенія и заключилъ съ ними, при всеобщемъ негодованіи народа, позорный бѣлоцерковскій договоръ. До-
дѣйствіемъ этимъ уничтожались или ограничивались даже тѣ незна-

чительныя привилегіи, которыя даны были трактатомъ зборовскимъ. Число реестроваго войска ограничено 20,000; жительство ему дозволено только въ воеводствахъ Кіевскомъ, воеводства Брацлавское и Черниговское предоставлены войскамъ короннымъ. Отнята у народа привилегія имѣть чиновниковъ изъ лицъ православныхъ. Унія оставлена на прежнихъ основаніяхъ, равно какъ и іезуитство. Жидамъ дозволено жить всюду. У гетмана отнято право сноситься съ ордою и вообще съ иностранными дворами. Однимъ словомъ, — бѣлоцерковскимъ договоромъ Малороссія приведена почти въ то же положеніе, въ какомъ была и до возстанія при Хмельницкомъ.

Народъ выразилъ свое ожесточенное негодованіе на трактатъ бѣлоцерковскій, при самомъ его заключеніи. Еще при вѣздѣ польскихъ комиссаровъ, прибывшихъ для заключенія трактата въ Бѣлую Церковь подъ прикрытіемъ сильнаго конвоя, — народъ, нежелавшій мира съ поляками, встрѣтилъ ихъ свистомъ, крикомъ, угрозами, проклятіемъ ляхамъ. Напрасно Кисель, выглядывая изъ экипажа, говорилъ толи съ кротостію: «мы не ляхи, друзья мои; я русскій; мои кости такія же русскія, какъ и ваши». — «Твои русскія кости слишкомъ обросли польскимъ мясомъ», отвѣчали ему казаки. Переговоры сѣвшили кончить какъ можно скорѣе. Скоро договоръ былъ написанъ и вынесенъ для прочтенія народу. Когда хлопъ услышалъ, что они снова будутъ служить панамъ, началось общее волненіе и шумъ.

«Раздались выстрѣлы; Хмельницкій, полковники убѣжали въ замокъ. Толпа обступила замокъ со всѣхъ сторонъ и готовилась брать его штурмомъ.... Татары начали пускать стрѣлы; хлопъ бросалъ каменья; окна разлетались, и одна стрѣла чуть было не попала въ голову воеводѣ. Хмельницкій, съ изумительною для пановъ неустрашимостію, вышелъ снова изъ замка со всѣми старшинами; чернь толпилась противъ него съ поднятыми саблями и дубинами. Хмельницкій бросился на нихъ, держа въ обѣихъ рукахъ булаву, и собственноручно началъ бить ихъ со всего размаха; за нимъ полковники и казаки разгоняли хлоповъ саблями и перночами.... Но смѣлость Хмельницкаго успокоила толпу только на малое время. Черезъ нѣсколько часовъ начался снова шумъ. Хмельницкій, Выговскій и полковники провели ночь безъ сна, сами стояли на сторожѣ и оберегали ворота. На другое утро волненіе усилилось до того, что Бѣлоцерковскій полковникъ грозилъ по мятежникамъ палить изъ пушекъ.... Комиссары черезъ день выѣхали изъ замка. Хмельницкій и старшины провожали ихъ и обороняли до тѣхъ поръ, пока они выѣхали изъ непріятельскаго табора. Хлопы снова бросились на нихъ, и Хмельницкій, въ глазахъ пановъ, опять положилъ нѣсколькихъ удалыхъ на мѣстѣ. Но только-что они очутились въ чистомъ полѣ, какъ бѣшеная толпа хлоповъ и татаръ догнала ихъ, высадила изъ эки-

пажей, побрала у нихъ золото, серебро, одежды и лошадей; сняли даже съ пальца у Гонсѣвскаго драгоцѣнный перстень, — словомъ, пустили ихъ въ одномъ платьѣ, говоритъ современникъ. Грабежъ дѣлался не изъ одного корыстолюбія, но изъ удали, чтобы досадить панамъ. Иные, которымъ недоставало сокровищъ, срывали съ рыдвана обои, раздирали на части, дѣлились ими, потряхивая издали кричали: «а що? и у насъ е ляшка злобычь!» Кисель продолжалъ говорить русскимъ, что они его братья. Тогда татары ломанымъ славянскимъ нарѣчіемъ кричали: «ляшка братка, а лоша не братка, и сукманка не братка». (II, 240).

Мы не удивляемся этому ожесточенному негодованію народа. Когда при Берестечкѣ, разбитые, окруженные поляками, не имѣя никакой надежды на спасеніе, козаки соглашались скорѣе умереть, чѣмъ заключить миръ безъ удержанія условій по крайней мѣрѣ зборовскаго договора; когда за тѣмъ послѣ пораженія при Берестечкѣ разсѣянные, преслѣдуемые, истребляемые непріателемъ, дѣйствуя законами и въ одиночку, вмѣстѣ съ цѣлымъ народомъ они не покорились непріятелямъ и доказали имъ, что скорѣе допустить истребить себя до единого, чѣмъ признають ихъ власть, когда наконецъ и войска и народъ тяжелымъ опытомъ дознали, что даже зборовскій трактатъ не принесъ имъ ничего, кромѣ бѣдствій и кровопролитія, и что чѣмъ продолжалась новая война, — могли ли они послѣ всего этого встрѣтить безъ негодованія позорный трактатъ бѣлоцерковскій, предававшій ихъ ни чѣмъ неограниченному произволу пановъ?

Только какое нибудь крайнее, отчаянное, безвыходное положеніе могло бы заставить Хмельницкаго заключить такой договоръ. Былъ ли въ такомъ положеніи Хмельницкій?

Авторъ говоритъ:

«Съ своей стороны Хмельницкій нуждался также въ мирѣ: войска у него подъ Бѣлою-Церковью было не болѣе тысячъ сорока, и притомъ оно состояло большею частію изъ мужиковъ, неопытныхъ, и, что еще хуже, своевольныхъ; напротивъ польское войско, простиравшееся, какъ кажется, тысячъ до шестидесяти, состояло преимущественно изъ нѣмцевъ, воиновъ опытныхъ; артиллерія была у нихъ несравненно въ лучшемъ видѣ, чѣмъ у козаковъ. Моръ свирѣпствовалъ въ козацкомъ полчищѣ такъ же опустошительно, какъ и въ польскомъ. Украина была разорена: продолжать войну значило довести народъ русскій до послѣдней степени изнеможенія, голода и беспорядковъ; притомъ власть Хмельницкаго, а съ нею и всякій порядокъ и подчиненность были сильно поколебаны со дня несчастнаго пораженія берестечкаго; чернь была лишена гетманомъ; объявивъ себя врагомъ поляковъ и лишаясь законнаго права на свое достоинство, онъ долженъ былъ зависѣть отъ низшей толпы, которая за малѣйшее неудовольствіе готова была убить его или даже отдать полякамъ. Укорительно было для Хмель-

ническаго, недавно еще повелѣвавшего народомъ русскимъ, принять условія, которыя дѣлали его только начальникомъ нѣсколькихъ тысячъ войска, предавая русскую землю во власть поляковъ, но онъ долженъ былъ принять ихъ для спасенія себя; нельзя было сомнѣваться, что такой миръ прочнымъ быть не можетъ, когда и миръ зборовскій не обезпечивалъ правъ русскаго народа. Хмельницкій понималъ это. Но Хмельницкій смотрѣлъ на него не болѣе, какъ на перемиріе, которое онъ надѣялся легко прервать, когда будетъ нужно» (II, 251).

Признаемся, въ этихъ словахъ автора мы не видимъ рѣшительно ничего, что могло бы оправдывать гетмана въ дѣлѣ заключенія бѣлоцерковскаго трактата.

«У гетмана,—говоритъ авторъ,—было только 40 т. войска.» Но кто же мѣшалъ гетману имѣть войска сто, двѣсти и даже болѣе тысячъ? Хлопы всѣ добивались, какъ особенной милости, чтобы имъ дозволили записываться въ козаки. Войско могло быть собрано у козаковъ съ такою поспѣшностію, о какой не могли и думать въ Польшѣ при сборѣ своего войска. Слѣдственно преимущество въ этомъ случаѣ было на сторонѣ Хмельницкаго, а не поляковъ.

«Войско,—продолжаетъ авторъ,—состояло большею частію изъ мужиковъ, неопытныхъ, и, что еще хуже, своевольныхъ.» Но эти неопытные въ дѣлѣ мужики оказывались не хуже опытныхъ воиновъ. Подъ Берестечкомъ, какъ разсказываетъ самъ авторъ, они одни цѣлый день выдерживали напоръ всей польской арміи,—и жолнеровъ и нѣмецкой пѣхоты,—арміи, вооруженной отличною артилеріею, выдерживали стойко и съ такимъ успѣхомъ, что заслужили удивленіе непріятеля. Притомъ войско запорожское, жившее одною войною, развѣ не постоянно пополнялось неопытными мужиками? Но неопытные мужики, поступая въ это войско, тою волшебною силою, которая была вѣчно присуща запорожскому войску, превращались не въ годы, даже не въ мѣсяцы, а въ какіе нибудь дни и недѣли въ чудо-богатырей, которыхъ нельзя было распознать отъ воиновъ, закаленныхъ въ многочисленныхъ бояхъ. Этою волшебною силою войска былъ тотъ духъ безграничной любви къ свободѣ, тотъ духъ непримиримой ненависти къ своимъ врагамъ — полякамъ или бусурманамъ, который одушевлялъ все войско, и который одинъ стоилъ цѣлыхъ армій. Подъ его всемогущимъ вліяніемъ козакъ не зналъ усталости, шутя переносилъ и холодъ, и голодъ и нужду, ничего не требовалъ для себя, войну считалъ своею нормальною жизнію, на отчаянную рѣзню шелъ, какъ на пиръ, неудачею только ожесточался. Проигравъ съ такимъ войскомъ девять сраженій, предводитель все еще могъ оставаться въ твердой надеждѣ, что послѣдняя ставка войны будетъ принадлежать ему. Таково ли было польское вой-

ско? Въ другихъ мѣстахъ своего сочиненія авторъ говоритъ, что войско это не охотно шло на войну, тяготилось длинными походами, то-и-дѣло настаивало на возвращеніе домой, недостатокъ жалованья производилъ въ немъ ропотъ, пораженіе приводило его въ ужасъ и уныніе. Что касается до своеволія, до ослабленія порядка и подчиненности въ войскахъ козацкомъ, то мы не знаемъ, что подъ этимъ разумѣетъ авторъ. Мы видимъ совершенно противное. По первому слову даже мало любимаго, возвратившагося изъ плѣна Хмельницкаго собралось у него цѣлое войско, которое ждетъ только одного его слова, чтобы идти противъ поляковъ и биться съ ними на жизнь и смерть. Оно ненавидитъ въ гетманѣ одно только — это страсть его своеспѣхъ съ поляками, искать примиренія съ ними. Этого оно не можетъ простить ему, и въ этомъ случаѣ оказываетъ сопротивленіе, ропщетъ на него, образуетъ отдѣльные отряды подъ начальствомъ другихъ предводителей, грозитъ даже смѣнить его. Но кто же виновать въ этомъ, какъ не самъ гетманъ? Войско не можетъ же не видѣть, что онъ своимъ трактатами съ поляками ведетъ народъ подъ убой, что онъ и ведя войну, и заключая договоры ищетъ не интересъ народа, а какъихъ-то другихъ, никому невѣдомыхъ.

«Миръ, — говоритъ далѣе авторъ, — свирѣпствовалъ въ козацкомъ войскахъ такъ же опустошительно, какъ и въ польскомъ. Украина была разорена; продолжать войну значило довести народъ до послѣдней степени изнеможенія, голода и безпорядковъ.» Но развѣ всѣ эти бѣдствія, спросимъ мы, прекращались съ заключеніемъ трактата бѣлоцерковскаго? Развѣ война оканчивалась? Развѣ зборовскій трактатъ, котораго нѣтъ возможности и сравнивать съ бѣлоцерковскимъ, принесъ Малороссіи миръ, порядокъ и тишину? Не вынужденъ ли былъ самъ гетманъ, послѣ всѣхъ возможныхъ казней, вѣшаній, сажаній на колъ, отказаться отъ него по совершенной невозможности успокоить народъ и составить другія условія для мира, изъ-за непринятія которыхъ сеймомъ и началась война? Чего же могъ надѣяться онъ отъ трактата бѣлоцерковскаго? Нѣтъ, — трактатомъ бѣлоцерковскимъ война не оканчивалась. Она только изъ войны правительственной, имѣвшей сценою дѣйствія опредѣленные пункты въ странѣ, и слѣдственно непосредственно для цѣлой страны не опустошительной, превращалась въ безпорядочную, повсемѣстную, въ войну отрядовъ, партій, отдѣльных лицъ, въ междоусобную войну владѣльцевъ и холоповъ, — слѣдовательно обнимала своимъ пламенемъ всю страну. Такая война могла не излѣчить, а только разстравить и увеличить тѣ раны, которыя описываетъ авторъ.

«Чернь, — говоритъ авторъ, — была недовольна гетманомъ. Объявивъ себя врагомъ поляковъ и лишаясь законнаго права на свое

достоинство, онъ долженъ былъ зависѣть отъ воли пьяной толпы, которая за малѣйшее неудовольствіе готова была смѣнить его или даже отдать полякамъ. Унизительно было для Хмельницкаго, и проч., но онъ долженъ былъ принять условія для себя.» Но эти слова не защищаютъ, а обвиняютъ Хмельницкаго. «Хмельницкій долженъ былъ принять унизительныя условія для спасенія себя». Но это-то именно худо, что Хмельницкій искалъ спасенія для себя, а не искалъ спасенія для цѣлаго народа. Долгъ Хмельницкаго, какъ народнаго вождя, и притомъ такого, который возбудилъ народъ къ возстанію обѣщаніемъ свободы, было забыть свое спасеніе и искать спасенія народа. Во-вторыхъ, странно было бы предполагать, что гетманство Хмельницкаго было прочно и обезпечено тогда только, когда признавалось Польшею. Намъ кажется, напротивъ, что если кто, то именно Хмельницкій былъ гетманъ милостію Божіею и волею народа, а никакъ не поляковъ. Для народа и войска ровно ничего не значило — признасть его Польша гетманомъ, или нѣтъ. Поэтому миръ съ Польшею нисколько не обезпечивалъ для Хмельницкаго гетманства, если понимать подъ гетманствомъ власть надъ народомъ и предводительство имъ. Отъ воли «пьяной толпы» долженъ былъ въ этомъ случаѣ зависѣть онъ и подъ покровительствомъ Польши. Выраженіе: «пьяная толпа» для насъ тоже странно. Если авторъ разумѣетъ подъ нимъ какую нибудь партію, шайку, — отъ ея воли не могло зависѣть низверженіе гетмана и въ особенности Хмельницкаго, который былъ избранъ въ гетманы всѣмъ войскомъ и народомъ и въ глазахъ ихъ имѣлъ свои заслуги. Если же авторъ подъ образомъ «пьяной толпы» представляетъ вообще войско, которое дѣйствительно любило выпить, то это порокъ его былъ всегдашній и общій, которому самъ гетманъ едва ли не болѣе другихъ былъ причастенъ. И мы не видимъ, чтобы гетману приходилось терпѣть когда нибудь отъ «пьяной толпы», а «пьяная толпа» много терпѣла отъ нетрезваго гетмана. Но она всегда была настолько трезва, что не только не смѣняла гетмана за малѣйшее неудовольствіе, но переносила спокойно и съ терпѣніемъ самыя варварскія его жестокости, напримѣръ, казни невинныхъ, вѣшанія, сажанія на колъ. Она требовала отъ гетмана только одного — вести ее противъ враговъ и вмѣстѣ съ нею, или пасть въ честномъ бою, или побѣдить и добиться своему отечеству свободы. Для этого оно облекла Хмельницкаго гетманствомъ, для этого своими трудами, потомъ и кровью она возвела его на ту степенъ могущества, грознаго врагамъ, на которой теперь стоялъ онъ. Правъ ли былъ Хмельницкій, если забывая

свой высокій долгъ, онъ искалъ спасенія только для себя, предавая вѣрнѣйшійся ему народъ на жертву врагамъ?

Изъ сказаннаго нами читатель можетъ видѣть, что ни въ положеніи войска, ни народа не было ничего, что могло бы вынуждать Хмельницкаго къ заключенію такого позорнаго трактата, какъ бѣлоцерковскій. Мы должны искать причинъ этого въ личности самого Хмельницкаго.

Мы видѣли образъ дѣйствій гетмана, безъ опредѣленнаго плана, безъ опредѣленной цѣли, робкій, нерѣшительный, раболѣпный. Гетманъ началъ пожинаать теперь плоды своей дѣятельности. Прошло четыре года со времени начала войны, четыре славныхъ года въ исторіи малороссійскаго народа, въ которые народъ принесъ всѣ жертвы, какія только могъ принести за свою свободу, одержалъ столько славныхъ побѣдъ надъ поляками, выказалъ такое богатство силъ и энергіи, что заставилъ иностранные дворы уважать себя, и показалъ полякамъ, какъ трудно владѣть имъ. Но ни своими жертвами, ни побѣдами, ни неодолимостію онъ не приобрѣлъ себѣ ничего въ теченіе четырехъ лѣтъ. Онъ оставался теперь при томъ же, причѣмъ былъ въ началѣ войны, не имѣя даже надеждъ въ будущемъ. Гетманъ видѣлъ, что продолжать играть долѣе эту комедію становится неудобно. Счастіе военное при Берестечкѣ поворотило къ нему спиною. Самъ онъ сталъ болѣе и болѣе выясняться для народа, и народъ день ото дня все болѣе и болѣе сталъ терять къ нему прежнюю любовь и довѣріе. Надобно было заблаговременно позаботиться о личной безопасности, какъ вибуда повыгоднѣе пристроить себя.

Для малороссійскаго народа могли предстоить два исхода, болѣе вѣроятныхъ и болѣе естественныхъ, изъ того положенія, въ которомъ онъ находился:

- 1) или остаться попрежнему подъ властію Польши,
- 2) или соединиться съ единовѣрною и единоплеменною ему Россією.

Гетманъ, имѣвшій постоянно въ виду первый исходъ, не опускалъ изъ виду и втораго. Онъ уже неоднократно билъ челомъ царю Алексѣю Михайловичу о принятіи Малороссіи въ свое подданство.

Нѣтъ сомнѣнія, что гетманъ дѣлалъ это не безъ согласія народа. Какъ смотрѣлъ народъ малороссійской на подданство царю Московскому?

Киевскій въ своей исторіи передаетъ намъ слѣдующій разсказъ. Когда гетманъ пріѣхалъ послѣ зборовскаго сраженія въ Чигиринъ, то къ нему прибыли посланники отъ трехъ государей: турецкаго, польскаго, московскаго — всѣ трое съ богатыми дарами, съ предложеніемъ покровительства Малороссіи отъ своихъ государей и съ

предложеніемъ лично гетману наслѣдственнаго гетманства. Хмельницкій по этому случаю собралъ депутатовъ отъ всего малороссійскаго народа и отъ каждого полка по четыре козака и по три старшины и на сѣздѣ объявилъ имъ грамоты всѣхъ трехъ государей, подарки, и предложеніе вступить подъ ихъ покровительство. Народъ прежде всего испугался наслѣдственнаго гетманства, но Хмельницкій успокоилъ его, сказавъ, что самъ не согласится никогда принять наслѣдственнаго гетманства, но вмѣстѣ съ тѣмъ объяснилъ народу, что «протекція какого нибудь сильнаго государства для нихъ полезна и почти неизбѣжна, потому что самое положеніе земли ихъ, открытой со всѣхъ сторонъ и неудобной къ укрѣпленію, дѣлаетъ ихъ игрищемъ неизвѣстной судьбы и слѣпыхъ случаевъ. Если же, продолжалъ гетманъ, — и обольстили и возгордили васъ многія и великія побѣды наши надъ непріятелемъ и пріобрѣтенная чрезъ то слава, почти всесвѣтная, то значитъ, друзья и братія, что это работала болѣе восторженность народная, подвинутая крайнею жестокостію польскою, и крайнимъ огорченіемъ и изступленіемъ народнымъ; и сколько притомъ пріобрѣли мы славы, столько же нажили тѣмъ и завистниковъ, которые при всѣхъ случаяхъ, а иногда и нарочито, для собственной безопасности и осторожности своей, не преминутъ всѣвать между нами плевелы, и испытывать насъ, какъ дѣкари испытываютъ больныхъ своихъ, щупая за пульсъ» и проч.

Послѣ этой рѣчи народъ сталъ разсуждать: какую избрать протекцію. Отъ Польши отказались всѣ единогласно. Оставалась Турція и Москва. Не хотѣлось пристать и къ Турціи, — но не всѣ желали и покровительства московскаго. Гетманъ и старики стояли за Москву единовѣрную и единоплеменную, — но другіе боялись при соединеніи съ Москвою уничтоженія своихъ правъ, боялись въ московскихъ боярахъ найти новыхъ магнатовъ; не нравилось также многовѣріе раскола, преслѣдованіе брадобритія и табаку.

Во время этого общаго раздумья о томъ, какую принять протекцію, выступилъ передъ народомъ черкасскій протопопъ Федоръ Гурскій, слывшій въ народѣ проповѣдникомъ и богословомъ, и своею рѣчью порѣшилъ дѣло.

— «Отъ трехъ царей или вохвовъ», — такъ началъ онъ рѣчь свою, — «поднесены были младенчествовавшему Христу Спасителю дары: золото, ливанъ и смирна; дары сіи предзнаменовали бытіе, страданіе и возвращеніе на небо. Злато предрекало царствованіе, ладанъ — погребеніе, смирна — божественность. Такъ и сіи дары, подносимые тремя царями младенчествующему народу, знаменуютъ участь его: чѣмъ покрыты или одѣяны сіи дары, тѣмъ покроется и народъ, ими прельстившійся. Дары польскіе покрыты ковромъ, то и народъ

съ полякамъ будетъ имѣть ковры; дары турецкіе покрыты тканію шелковою, то и народъ облечется въ шолкъ; дары московскіе покрыты рогожками, то и народъ, соединившійся съ москвитянами, одѣнется въ рогожки и подь рогожки. И сіи предзнаменованія вѣрныя и превосходныя всѣхъ оракуловъ на свѣтѣ. (Истор. Малороссіи Маркевича. Т. I, стр. 256).

Профессоръ Соловьевъ въ своихъ очеркахъ исторіи Малороссіи отвергаетъ приведенный нами рассказъ Конисскаго — съ одной стороны по невѣроятности того, чтобы послы московскіе могли предлагать гетману союзъ и протекцію, когда царь заключившій миръ съ Польшею, уклонялся и въ послѣдствіи отъ разрыва этого мира, тѣмъ болѣе по невѣроятности того, чтобы подобныя предложенія могли гнать поляки своему подданному, давшему присягу въ вѣрности Яну Казимиру, — съ другой стороны по очевидному анахронизму въ рассказѣ о раскольникахъ.

Мы признаемъ въ этомъ рассказѣ достовѣрными два обстоятельства: 1) что гетманъ прежде официальныхъ сношеній съ московскимъ царемъ о подданствѣ ему Малороссіи, дѣйствительно предлагалъ народу на расколѣніе: чье онъ покровительство признастъ для себя полезнѣе — Москвы, Турціи или Польши. Ибо невѣроятно, чтобы гетманъ сталъ предлагать московскому царю подданство Малороссіи, не узнавъ предварительно намѣреній объ этомъ народа и его къ тому расположенія; 2) что при предложеніи московской протекціи гетманъ встрѣтилъ въ части народа оппозицію, поддерживаемую духовенствомъ. Последнее обстоятельство подтверждается послѣдующимъ образомъ дѣйствій духовенства. Духовенство малороссійское не имѣло никакихъ причинъ препятствовать собственно свѣтскому подданству Малороссіи царю московскому. Оно должно было напротивъ даже желать этого, потому что съ подданствомъ Малороссіи православной Московіи необходимо должны были прекратиться всѣ тѣшенія на вѣру. Но оно боялось, что съ свѣтскимъ подданствомъ Малороссіи Московіи исчезнетъ вмѣстѣ и церковная ея самостоятельность. Облеченная правами Константинопольскаго экзархата, имѣла право собственнаго суда и управленія, митрополія кіевская зависѣла отъ патріарха константинопольскаго почти только номинально. Патріархъ константинопольскій имѣлъ въ ней единственное право посвященія митрополита, и то впрочемъ избираемаго свободною частью духовенства; онъ не вступался ни въ ея управленіе, ни въ ея суды, не имѣлъ права даже принимать жалобъ на мѣстное управленіе и суды. Само собою разумѣется, что такой самостоятельности митрополія не могла сохранить по присоединеніи ея къ патріархату московскому. Вотъ почему, когда спустя уже 30 лѣтъ послѣ

подданства Малороссіи Россіи, царь по представленію патріарха Іоакима потребовалъ подчиненія кievской митрополіи патріарху московскому, малороссійское духовенство, собравшееся на совѣщаніе по этому предмету, по приглашенію гетмана Івана Самойловича, первоначально тайно положило рѣшительно отказаться отъ подчиненія московскому патріарху; но какъ при убѣжденіи и настояніи гетмана исполнить этого было нельзя, то составило пункты, на основаніи которыхъ оно соглашалось присоединиться къ московскому патріарху. Этими пунктами оно, между прочимъ, требовало, чтобы

- 1) «кievская митрополія и по присоединеніи къ патріархату московскому удержала титулъ экзархата константинопольскаго»; чтобы
- 2) «суды митрополита кievскаго въ всей его епархіи были крѣпки, и чтобы отъ тѣхъ судовъ никто въ Москву не бѣгалъ съ челобитными, и святѣйшій бы патріархъ московскій въ тѣ суды вступаться не изволилъ»; чтобы
- 3) «епископіи, архимандріи, игуменства, братства, монастыри и церкви, которыя издавна належали къ послушанію митрополита кievскаго, тѣ всѣ дабы и нынѣ непременно были въ послушаніи и къ нынѣшнему новоизбранному митрополиту (Гедеону Четвертинскому) и къ тѣмъ, которые по немъ митрополиты будутъ.»

Послѣднимъ пунктомъ духовенство, очевидно, хотѣло оградить кievскую митрополію отъ раздробленія и отъ права патріаршей ставропигіи. Гетманъ, при представленіи котораго препровождены были царю составленные духовенствомъ пункты, съ своей стороны относительно 2-го пункта просилъ, чтобы «чинъ духовной митрополіи кievской при своихъ правахъ соблюденъ былъ, какъ и подъ святѣйшимъ патріархомъ вселенскимъ та митрополія обрѣталась, гдѣ только благословеніе митрополиты кievскіе отъ святѣйшаго патріарха принимали,—а суды всякіе духовные сами судили и правъ своихъ употребляли по здѣшнему обыкновенію, а патріархъ въ тѣ суды не вступался и порядковъ митрополическихъ не разрушалъ и не хулилъ,» чтобы «цари права духовныя утвердили грамотою, чтобы и подъ святѣйшимъ патріархомъ московскимъ онѣ ненарушимо были соблюдены», чтобы «жалобъ на митрополита о судахъ его митрополіи къ священнѣйшему патріарху не приносили.» Гетманъ проситъ объ оставленіи за митрополитомъ титула экзарха константинопольскаго, удержанія за нимъ права ношенія митры съ крестомъ (на верху), предношенія предъ нимъ креста въ его митрополіи во всякихъ походахъ; также чтобы ученіе дѣтей греческимъ и латинскимъ языкамъ, печатаніе книгъ на хвалу Божию и оборону св. вѣры невозбранно было соблюдено, а элекція вольная на избраніе митрополита, чтобы была впредь во всѣ роды непременно содержана при иныхъ всѣхъ той митрополіи обыкновеніяхъ.» (См. рукопись

Икона или изображение дѣлъ московскаго патріаршаго престола, соч. Варлаама Ясинскаго, стр. 44 — 49. Император. Публичн. Библіот.). Итакъ боязнь потерять свою самостоятельность, лишиться нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ — вотъ была та причина, по которой кіевское духовенство, спустя 30 лѣтъ по присоединеніи Малороссіи къ Россіи, не желало подчиняться патріарху московскому. Нѣтъ нужды говорить, что эта же причина дѣйствовала и прежде, и въ болѣе еще силѣ, и заставляла духовенство малороссійское ради церковныхъ видовъ неблагопріятно смотрѣть на свѣтское подданство Малороссіи Россіи. Во время присоединенія Малороссіи къ Россіи, московскимъ дворомъ въ этой непріязни былъ заподозрѣнъ митрополитъ Сильвестръ Коссовъ; были тогда и изъ козаковъ еще такіе, которые не съ особенною охотою приняли подданство царю московскому. Итакъ нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что гетманъ при первоначальномъ предложеніи московскаго покровительства народу встрѣтилъ въ части его оппозицію, поддерживаемую духовенствомъ.

Подавить эту оппозицію, хотя сравнительно слабую, совершенно, дать рѣшительный перевѣсъ партіи, благопріятствующей Москвѣ, всего лучше могли новыя преслѣдованія и угнетенія Малороссіи со стороны поляковъ.

Вотъ почему трактатъ бѣлоцерковскій въ личныхъ видахъ гетмана способствовалъ выгодному для него исходу войны, на чью бы сторону ни склонились вѣсы, — на сторону ли Польши, или на сторону Московіи.

Гетманъ построилъ такую дилемму:

Или поляки послѣ бѣлоцерковскаго трактата съумѣютъ мягкими мѣрами, соблюденіемъ условій трактата, возможными льготами народу, привлечь къ себѣ ненавидѣвшій ихъ народъ и заставить его искренно покориться имъ, забывъ прежнія несправедливости, — въ такомъ случаѣ гетманъ несомнѣнно выиграетъ во вниманіи и благорасположеніи польскаго правительства, какъ человѣкъ, содѣйствовавшій успѣху замиренія и усмиренія народа, —

Или поляки начнутъ и послѣ бѣлоцерковскаго трактата гнать и преслѣдовать народъ, какъ то было послѣ трактата зборовскаго, и своими новыми несправедливостями и жестокостями заставить его навсегда сбросить ненавистное польское иго и присоединиться хотя и къ мало любимой Московіи, — въ такомъ случаѣ гетманъ выиграетъ еще болѣе во мнѣніи и благорасположеніи московскаго правительства, какъ человѣкъ, способствовавшій этому присоединенію.

Разсчетъ гетмана быдъ вѣренъ и вполне оправдался послѣдующими событіями.

Послѣ заключенія бѣлоцерковскаго трактата гетманъ первоначально былъ намѣренъ совершенно искренно содѣйствовать полякамъ къ усмиренію народа. «До окончанія ревизіи», — такой совѣтъ давалъ онъ въ письмѣ своемъ гетману Потоцкому, — «униженно прошу вашу милость приказать, чтобы хоругви не шли далѣе на квартиры въ брацлавское воеводство, пока мы не успокоимъ черни, а гдѣ остановятся, то чтобы не слишкомъ надѣдали простому народу. Я увѣренъ, что ваша милость изволила приказать пану Славковскому, чтобы онъ на первый разъ исподоволь приучалъ крестьянъ». Когда народъ, по вступленіи пановъ въ Малороссію, подвергся преслѣдованіямъ и гоненіямъ, «Хмельницкій, — говоритъ авторъ, — казалось, былъ глухъ и нѣмъ къ стонамъ народа и самъ дѣйствовалъ заодно съ панами. Онъ оказывалъ явное недовѣріе къ русскимъ, отдалилъ отъ себя козаковъ, окружилъ себя татарами; и не разъ (говоритъ лѣтописецъ) приходилось ему погибнуть отъ разъяреннаго хлопства».

Однако жъ напрасны были старанія Хмельницкаго въ пользу поляковъ. Предшествовавшіе опыты, какъ оказалось, нисколько не научили ихъ благоразумному обращенію съ народомъ. Вступивъ въ Малороссію и не встрѣтивъ въ жителяхъ желаемой покорности, которой первоначально они, само собою разумѣется, и ожидать бы не должны были, они принялись за прежнія варварства. «Поддѣстране и бужане слышать не хотѣли ни о какихъ договорахъ, не давали стацій, не думали повиноваться старостамъ и владѣльцамъ, и называли себя попрежнему козаками. Калиновскій вѣшалъ ихъ, четвертовалъ, жегъ медленнымъ огнемъ, не спускалъ и церквамъ Божиимъ: по замѣчанію современниковъ, приказывалъ снимать церковные колокола и переливать на пушки, изгонялъ православныхъ священниковъ. Жолнеры, получивъ потачку, начали обращаться съ хозяевами тѣхъ селъ, гдѣ стояли, какъ съ собственными рабами, и распоряжались достояніемъ жителей. Владѣльцы, воротившись въ имѣнія, заставляли свои усадьбы въ разореніи, голодъ и недостатокъ въ странѣ, гдѣ долго не пахали земли, лишалъ ихъ возможности извлекать какіе нибудь доходы; они принялись мучить своихъ подданныхъ, чтобы выпытать, гдѣ спрятаны сокровища, награбленные въ господскихъ домахъ. «И были слышны (говоритъ лѣтописецъ) въ народѣ вопль и воздыханіе, и горе, и ропотъ на Хмельницкаго!» «Вотъ къ чему привели насъ его побѣды!», говорили хлопы: — «мы ожидали себѣ свободы, а онъ опять насъ закабалилъ въ рабство» (II. 266).

Народъ однако жъ нашелся наконецъ, какъ помочь себѣ. Пользуясь дозволеніемъ царя Алексѣя Михайловича, онъ бѣжалъ тысячами селиться на южныхъ границахъ Московскаго государства, от-

бывалась отъ заступавшихъ дорогу жолнеровъ пушками и ружьями. Менѣе, чѣмъ въ полгода, на пространствѣ отъ Путивля до Остро-гожска появились многія слободы, изъ которыхъ образовались города и богатія мѣстечки: Сумы, Лебединъ, Ахтырка, Бѣлополье, Короча, и проч. Иныя изъ переселенцевъ подвигались къ югу, въ глубь степи, по рѣкамъ Донцу, Удамъ, Харькову, Коломаку. Въ числѣ новыхъ поселеній явился и нынѣшній Харьковъ. Отправляясь на новое мѣсто жительства, переселенцы сжигали свои прежнія хаты и гумна, чтобы даже остатки *худобы* не достались врагамъ.

Эти переселенія въ Московію, совершавшіяся несмотря на всѣ мѣры, принимаемыя противъ нихъ польскимъ правительствомъ и гетманомъ, показывали послѣднему, что ожесточеніе народа противъ Польши дошло до крайности и что на союзъ съ Польшей надежды почти не остается. И гетманъ весною 1652 года снова ударилъ челомъ царю Алексѣю Михайловичу о принятіи Малороссіи въ подданство. Однако жъ, не имѣя въ рукахъ обнадеженія отъ царя, продолжалъ все еще усердно дѣйствовать въ пользу поляковъ.

Когда кончился реестръ, послѣ котораго всѣ, не вошедшіе въ число реестровыхъ козаковъ, должны были снова работать на пановъ, когда за тѣмъ войско польское вступившее въ Малороссію стало затруднять переходъ народа въ Московію, — гетманъ и съ своей стороны издалъ универсалъ, которымъ запрещалъ переходъ въ Московію и приказывалъ служить панамъ. «Уже теперъ, — писалъ онъ, — выгоднѣе дѣлать того, что дѣлалось прежде: никому не будетъ пощады, кто не хочетъ покориться.»

«Но жители не думали о повиновеніи ни панамъ, ни жолнерамъ, ни самому козацкому гетману. Они зарывали въ землю свое имущество, жгли хаты, загоняли скотъ и завозили хлѣбъ, овесъ и сѣно въ укрѣпленныя мѣстечки, куда и сами прятались съ семействами. «Бѣдный жолнеръ, говоритъ лѣтописецъ польскій, долженъ былъ кровью добывать насущный хлѣбъ. Весною, едва началъ сходить снѣгъ, уже вся Украина была въ огнѣ. На Заднѣпріи, по Бугу и Днѣстру оставшіеся жители скрывались по лѣсамъ и оврагамъ, такъ что полякъ не могъ ни пройти, ни проѣхать безъ вооруженной команды. Въ разныхъ мѣстахъ Украины появлялись пародные предводители, которые или сами помогали гетманскаго достоинства или хотѣли ввѣрить его кому нибудь другому, вмѣсто Хмельницкаго» (II, 276). Таковы были Хмельцкій, Бугай, Мозыра и другіе.

«Положеніе Хмельницкаго было часъ отъ часу опаснѣе. Вооруженныя толпы готовились идти въ Чигиринъ и разтерзать предводителя. Среди всеобщаго возстанія, Хмельницкій принужденъ былъ успокоить хотя нѣсколько русскій народъ и позволялъ записываться

въ реестръ, и такимъ образомъ въ то время, когда королю представленъ былъ списокъ съ двадцатью тысячами, въ Украинѣ существовалъ другой реестръ, въ которомъ козаковъ записано было болѣе сотни тысячъ, какъ было послѣ зборовскаго мира.» (II, 278)

Когда извѣстіе объ увеличеніи реестроваго войска дошло до свѣдѣнія поляковъ, коронный гетманъ, видя въ этомъ нарушение договора, требовалъ отъ Хмельницкаго объясненія. Хмельницкій отвѣчалъ, что онъ дѣйствительно дозволилъ охотникамъ записываться въ реестръ, но дѣлалъ «это для пользы самихъ же поляковъ, чтобы укротить и утишить на время необузданное мужичье, что онъ всѣми силами старается о спокойствіи, но что на это нужно время,» и въ доказательство своей вѣрности Рѣчи Посполитой требовалъ суда надъ виновными. — Согласно этому желанію гетмана дѣйствительно была наряжена судная коммиссія, по приговору которой были осуждены на смертную казнь Хмѣлецкій, Мозыра, Гладкій и другіе. Хмельницкій безъ сопротивленія подписалъ смертный приговоръ. Изъ осужденныхъ нѣкоторые казнены были, не столько за возмущенія, сколько по личной враждѣ съ Хмельницкимъ. Кромѣ этихъ осужденныхъ, Хмельницкій самъ и помимо коммиссіи по разнымъ мѣстамъ Украины рубилъ головы непокорнымъ, вѣшалъ, сажалъ на колъ. «Хмельницкій постановилъ при этомъ, чтобы при каждой польской хоругви были козацкіе денутаты для отвода квартиръ и издалъ универсалъ, въ которомъ запрещалъ народу помышлять, чтобы козацкій гетманъ позволилъ имъ когда нибудь сопротивляться воинскому постою, или не повиноваться владѣльцамъ.»

«Поляки, продолжаетъ авторъ:—были довольны этимъ явнымъ знакомъ покорности, но Хмельницкій, угождая врагамъ, угождалъ самому себѣ. Не прошло и мѣсяца послѣ такихъ признаковъ покорности, какъ Хмельницкій былъ уже въ состояніи сбросить съ себя личину и снова явился врагомъ поляковъ и защитникомъ русскаго народа» (II, 283).

Итакъ всѣ услуги, оказанныя гетманомъ при усмиреніи народа полякамъ, всѣ его распоряженія, даже жестокія казни въ угоду Польши — все это нужно считать въ Хмельницкомъ личиною!

Нѣтъ, — скажемъ мы, — то была не личина; гетманъ трудился для поляковъ совершенно искренно. Но поляки не стужбли воспользоваться его услугами и своими неблагоразумными дѣйствіями послѣ бѣлоцерковскаго трактата навсегда озлобили противъ себя народъ. Не можемъ не привести здѣсь въ высшей степени замѣчательныхъ словъ гетмана, сказанныхъ имъ при отпускѣ польскихъ плѣнныхъ въ Чигиринѣ, въ то время, когда сюда прибыли уже послы царя Московскаго для привода козаковъ къ присягѣ въ подданство Россіи.

«Теперь, господа поляки», сказалъ гетманъ, «мнѣ кажется, что мы уже на вѣкъ разлучимся, такъ что вы не будете наши, а мы ваши; этой потери вы никогда не можете себѣ вознаградить, да и мы никогда уже не покажемъ склонности къ вознагражденію. Не наша вина, а ваша, и потому жалуйтесь на самихъ себя, что вы добровольно, по вашему неблагоразумію и легкомыслію потеряли». (II, 400).

Въ 1651 году, 19 февраля, на соборѣ въ Москвѣ было уже постановлено, что если король польскій не исправится и виновныхъ (въ оскорбленіи царя) не накажетъ, то церковь можетъ подать разрѣшеніе государю на принятіе въ подданство малороссійскаго гетмана; а если король во всемъ исправится, то дѣло о запорожскомъ гетманѣ отдается на волю государя, какъ ему Богъ извѣститъ. Вслѣдствіе этого, царь хотя не далъ прибывшему въ мартѣ 1652 года отъ гетмана полковнику Искрѣ, съ просьбою о подданствѣ, своего окончательнаго согласія на принятіе Малороссіи въ подданство, тѣмъ не менѣе дозволилъ козакамъ въ случаѣ угнѣтеній отъ Польши переселиться въ Россію на рѣки: Донъ, Медвѣдицу и т. п. Такимъ образомъ на крайній случай у гетмана убѣжище теперь было. Этимъ объясняется, почему гетманъ снялъ съ себя личину, какъ говоритъ авторъ, т. е. рѣшился бросить поляковъ и дѣйствовать въ пользу Москвы.

Здѣсь и мы остановимся и не будемъ слѣдовать далѣе за дѣйствіями гетмана, такъ какъ для дѣйствій его явилась теперь опредѣленная цѣль — соединеніе Малороссіи съ Московіей.

Обратимся снова къ сочиненію г. Костомарова.

Г. Костомаровъ въ предисловіи къ своему сочиненію говоритъ, что «его повѣствованіе писано не въ видѣ систематической исторіи, а (въ видѣ) разсказа, не для ученаго круга специалистовъ, а для публики.» По нашему мнѣнію, систематическими исторіями могутъ быть названы только тѣ исторіи, гдѣ событія и факты нанизываются на предвзятія идеи и взгляды и втискиваются въ заранее заготовленныя рамки. Но время такихъ исторій давно уже прошло и они не требуютъ ни специалистами, ни публикой. Задача всякаго собственно историческаго сочиненія, — пишется ли оно для публики или для ученыхъ, — есть вѣрное изображеніе жизни прошедшей. Отысканіе тѣхъ началъ, изъ которыхъ развивалась эта жизнь, указаніе причинъ такъ или иначе дѣйствовавшихъ на ея развитіе, и на основаніи всего этого стройное, консеквентное, возможно полное возсозданіе жизни прошедшей — вотъ тѣ неизмѣнныя требованія, которыя лежатъ на историкѣ, пишетъ ли онъ для публики или для ученыхъ. Популярность и ученость здѣсь сливаются въ своихъ тре-

бованіяхъ. Большая или меньшая глубина взгляда на событія, глубокий анализъ фактовъ, или только поверхностная, рутинная концепція ихъ, изложеніе картинное или сжатое, но полное мысли и силы — всѣ эти, равно какъ и другія, достоинства или недостатки, зависящіе отъ личныхъ талантовъ писателей, могутъ разнообразить историческія сочиненія до безконечности, но существенныя требованія остаются постоянно одинаковы для всѣхъ. Мы высказываемъ эти мысли не потому впрочемъ, чтобы видѣли фальшь автора, искреннюю невѣрность его таланта самому себѣ во всемъ сочиненіи, нами разсматриваемомъ, — мы высказываемъ ихъ по поводу того разграниченія, которое авторъ дѣлаетъ въ своемъ предисловіи между исторіей для ученыхъ и исторіей для публики. Но въ извѣстной мѣрѣ этотъ взглядъ автора на потребность въ историческихъ популярныхъ сочиненіяхъ особенныхъ приемовъ не могъ, само собою разумѣется, не отразиться и на его «Богданъ Хмельницкомъ».

Желая быть популярнымъ, авторъ старался избѣгать такъ называемыхъ ученыхъ приемовъ. Такъ, не убоавшись вооружить свою книгу цитатами, что, по мнѣнію нѣкоторыхъ пуристовъ популярности, также препятствуетъ сочиненію его быть популярнымъ, — авторъ убоаясь снабдить его примѣчаніями относительно источниковъ, которыми онъ пользовался. А въ примѣчаніяхъ этихъ чувствуется крайняя нужда почти на каждомъ шагу. У автора подъ рукою было 72 сочиненія, которыя служили для него источниками. Сочиненія эти большею частію не знакомы читающей публикѣ. Мы увѣрены, что при чтеніи каждый изъ читавшихъ не разъ чувствовалъ потребность имѣть по крайней мѣрѣ какое нибудь понятіе объ источникѣ, изъ котораго взято свѣдѣніе, чтобы судить, насколько оно достовѣрно. Но авторъ не далъ никакого понятія о своихъ источникахъ, т. е. не сказалъ ничего объ авторахъ ихъ, не сказалъ, кто такой авторъ, когда жилъ, къ какой партіи принадлежалъ, какую любимую идею старается провести въ своемъ сочиненіи. Всѣ источники, которыми онъ пользовался, авторъ различилъ для читателей звѣздочками — передъ одними поставилъ двѣ звѣздочки, передъ другими одну, передъ третьими ни одной и объяснилъ читателю, что источники съ двумя звѣздочками безукоризненно достовѣрны, съ одной — не очень достовѣрны, а тѣмъ, которые безъ звѣздочки, вовсе нельзя вѣрить. Надѣленный такими слабыми свѣдѣніями относительно источниковъ, читатель въ продолженіе чтенія всего сочиненія долженъ полагаться единственно и безусловно на авторитетъ писателя, который щедро сообщаетъ ему свѣдѣнія и изъ источниковъ съ двумя звѣздочками, и изъ источниковъ съ одной звѣздочкой, и даже изъ источниковъ

безъ всякой звѣздочки, — и иногда передавая свѣдѣнія изъ источниковъ съ двумя звѣздочками замѣчаетъ, что на свѣдѣнія эти нельзя полагаться. Читателя невольно беретъ раздумье, что и въ источникахъ съ двумя звѣздочками не все достовѣрно, и въ источникахъ безъ всякой звѣздочки есть извѣстія достовѣрныя даже тогда, когда они не подкрѣпляются источниками съ двумя или съ одною звѣздочками. Такъ напримѣръ, на страницѣ 161 первой части своего сочиненія, авторъ передаетъ свѣдѣнія о *вовгуревцахъ*, на основаніи одной только *повѣсти о томъ, что случилось на Украинѣ* — сочиненія, которое у автора не отмѣчено звѣздочкою. Автору при короткомъ знакомствѣ его съ источниками не большаго бы стоило труда дать понятіе о каждомъ малоизвѣстномъ или неизвѣстномъ сочиненіи, сдѣлать краткую характеристику сочиненія, указать любимыя идеи, которыя усиливается доказать авторъ въ сочиненіи. — Это не много увеличило бы и объемъ сочиненія г. Костомарова, между тѣмъ сочиненіе выиграло бы отъ этого очень много. Оно, при неразработанной у насъ доселѣ исторіи Малороссіи, приобрѣло бы то же значеніе, какое имѣла исторія Карамзина до изданія въ свѣтъ источниковъ русской исторіи и до ихъ разработки, и какое она сохраняетъ еще доселѣ по отношенію ко многимъ малоизвѣстнымъ сочиненіямъ.

Желая быть популярнымъ, авторъ не входитъ также въ свое сочиненіи въ разрѣшеніе хронологическихъ и другихъ путаницъ, встрѣчающихся въ исторіи Богдана Хмельницкаго. Когда встрѣчаются противорѣчащіяся мнѣнія о чемъ нибудь, авторъ изъ разныхъ мнѣній беретъ одно безъ всякой оговорки или замѣчанія, отчего онъ считаетъ это мнѣніе достовѣрнымъ. Путаница этимъ, разумѣется, не разрѣшается, а остается такою, какою и была, а иногда еще увеличивается, потому что авторъ принимаетъ иногда мнѣніе противорѣчащее несомнѣннымъ источникамъ. Представимъ примѣры.

Когда царь Алексѣй Михайловичъ согласился на принятіе въ подданство Малороссіи и изъ Москвы прибылъ Бутурлинъ для принятія отъ козаковъ присяги на подданство, то казаки стали требовать отъ Бутурлина, чтобы и онъ присягнулъ съ своей стороны отъ имени царя въ томъ, что царь ихъ не выдастъ королю, стоять за нихъ будетъ и прежнихъ правъ ихъ не нарушить. Бутурлинъ на это не согласился. Несмотря на всѣ настоянія козаковъ, онъ отвѣчалъ имъ, что «то непристойное есть дѣло, что за государя имъ вѣру чинить; что николи того не повелось, что за нихъ государей, поданнымъ вѣру давать, а даютъ вѣру государю поданные». Наконецъ казаки согласились присягнуть и присягнули безусловно. Гетманъ явился со старшиною къ Бутурлину и объявилъ, что «они во

всемъ покладываются на государеву милость, а вѣру, по евангельской заповѣди, великому государю вседушно учинить готовы, и за государское многолѣтнее здоровье головы складывать рады; а основихъ дѣлахъ учнутъ они бить челомъ великому государю». Царь былъ такъ доволенъ стойкостію Бутурлина, что когда послѣдній возвращался изъ Украйны, изъ Москвы послалъ къ нему навстрѣчу въ Калугу стольника Головина съ милостивымъ словомъ, въ которомъ, между прочимъ, объявлялась похвала посламъ и за то, что они не согласились присягнуть, какъ то имъ было и приказано, отъ имени царя. Всѣ эти свѣдѣнія заключаются въ актахъ несомнѣнныхъ, именно въ Статейномъ епискѣ Бутурлина и похвальной грамотѣ царя Алексѣя Михайловича Бутурлину («Собр. Государств. Грам. и Договоровъ» т. III, № 160, 164). На основаніи этихъ достовѣрныхъ источниковъ, профессоръ Соловьевъ рѣшительно, и по нашему мнѣнію, весьма справедливо отвергъ показаніе Конисскаго, будто Бутурлинъ съ товарищами приняли какія-то составленные сими послѣдними договорныя статьи съ царемъ московскимъ и въ храненіи всего изложеннаго въ тѣхъ статьяхъ дали присягу, отъ лица царя и царства московскаго (см. «Очеркъ истор. Малороссіи Отеч. Зап.» 1849 г.). Авторъ, изложивъ всѣ обстоятельства о принятіи козаками присяги, точно такъ же, какъ они изложены въ «Статейномъ спискѣ», не упоминаетъ однако жъ послѣднихъ словъ гетмана Бутурлину, приведенныхъ нами выше и выражающихъ согласіе на безусловную присягу, что «они (гетманъ и старшина) во всемъ покладываются на государеву милость» и проч., и цитируетъ въ этомъ мѣстѣ не «Статейный списокъ», а «Исторію Малой Россіи». О похвальной грамотѣ царя Алексѣя Михайловича, которою подтверждается, что присяга дана была козаками безусловно, авторъ также не упоминаетъ. А сказавъ о принятіи гетманомъ и старшиною присяги, авторъ продолжаетъ такъ: «Бантышъ-Каменскій думаетъ, что присягали только украинцы, а бояре не присягали. Но лѣтопись Величка, который пользовался записками Зорки, современника, безъ сомнѣнія, бывшаго на присягѣ, утверждаетъ, что бояре московскіе, послѣ присяги козаковъ, однако жъ дали отъ имени монарха клятвенное обѣщаніе, что государь будетъ держать всю Малую Россію со всѣмъ войскомъ запорожскимъ подъ своимъ покровительствомъ, при ненарушимомъ сохраненіи всѣхъ ея древнихъ правъ, и охранять войсками и помогать казною отъ всякихъ непріятельскихъ нападеній» (II, 408). Ясно, что авторъ заподозрѣваетъ въ истинѣ «Статейный списокъ» Бутурлина и отдаетъ преимущество «Лѣтописи» Величка, вопреки мнѣнію профессора Соловьева, который отдаетъ предпочтеніе «Статейному списку» передъ «Лѣто-

писью» Величка. Противорѣчіе весьма важное. Читатель согласится съ нами, что здѣсь объясненіе со стороны автора было не только не лишнимъ, но было необходимо.

Далѣе, описывая пребываніе пословъ, прибывшихъ для принятія присяги отъ малороссійскаго народа, въ Кіевѣ, авторъ рассказываетъ, что когда послѣ молебна въ Кіевософійскомъ соборѣ, Бутурлинъ спросилъ митрополита: «отчего онъ не искалъ у государя подданства вмѣстѣ съ гетманомъ?» — то митрополитъ отвѣчалъ, что «онъ не зналъ происходившей между гетманомъ и царемъ переписки, а что теперь онъ долженъ молить Бога о многолѣтнемъ здравіи государя, государыни царицы и благовѣрныхъ царевенъ». Намъ кажется, что въ этомъ самомъ отвѣтѣ митрополита заключается согласіе его на подданство царю. Авторъ, напротивъ, говоритъ, что «митрополитъ этимъ отвѣтомъ показалъ, что онъ хотя не враждуетъ къ московскому монарху, однако не раздѣляетъ намѣреній Хмѣльницкаго», — и затѣмъ далѣе рассказываетъ вотъ что:

«Духовенство не только не присягнуло, но и не согласилось послать шляхтичей, служившихъ при митрополитѣ и другихъ духовныхъ особахъ, монастырскихъ слугъ и всѣхъ вообще людей, изъ имѣній принадлежащихъ церквамъ и монастырямъ. Митрополитъ употреблялъ разные извороты, говорилъ, что опасается мести короля и не хочетъ отвѣчать за невинныя души, ссылаясь на печерскаго архимандрита, а печерскій архимандритъ ссылаясь на него. Духовенство не согласилось и удержало свою независимость еще на пятьдесятъ лѣтъ; впоследствии оно хотя и признало себя подъ благословеніемъ патріарха московскаго, но оставалось подъ непосредственнымъ вѣдомствомъ константинопольскаго патріаршаго престола. Сильвестръ Коссовъ и кіевское духовенство отличалось въ высшей степени покорностью властямъ: оно всегда было удалено отъ всякихъ мятежныхъ замысловъ, поэтому скорая переменѣ власти казалась для него предосудительною; надобно принять во вниманіе и то, что духовные, классъ образованнѣйшій въ Украинѣ, съ малыхъ лѣтъ получали воспитаніе на польскій образецъ и привыкли къ польскимъ понятіямъ и западному образу возрѣнія» (II, 412).

О томъ же самомъ Маркевичъ въ своей исторіи (1, 339) рассказываетъ совершенно иначе. Онъ говоритъ, что «митрополитъ боялся, что греческое духовенство, въ городахъ и селахъ литовскихъ и польскихъ находящееся, можетъ подвергнуться казнямъ и смерти мучительной, буде шляхта его присягнетъ царю. Эта боязнь заставила его отказать посламъ въ присягѣ слугъ и шляхты митрополитской; но угрозы местию гетманскою подѣйствовали на первосвященника и присяга была довершена».

Опять противорѣчіе, и противорѣчіе весьма важное, а со стороны автора опять никакого объясненія. Конечно, собственно о мнѣніяхъ

Маркевича много говорить не стоитъ. Но здѣсь самое дѣло требуетъ разъясненія. Авторъ свое особенное мнѣніе основалъ на словахъ трехъ польскихъ писателей, которые всѣ отмѣчены у него одною звѣздочкою, и которые могли не понимать дѣла или перепинчивать его изъ своихъ видовъ. Если бы авторъ такое важное показаніе утвердилъ на свидѣтельствахъ писателей, даже вполне по его мнѣнію достовѣрныхъ, то и тогда принять подобнаго показанія было бы нельзя. Возможно ли повѣрить, чтобы царь, принимавшій съ такою осторожностію въ подданство козаковъ, согласился, чтобы духовенство, самое вліятельное въ то время сословіе и по своему положенію, и по особеннымъ обстоятельствамъ Малороссіи, оставалось внѣ его подданства, и если бы было дѣйствительно такъ, не принялъ бы противъ этого никакихъ мѣръ? Ничего подобнаго въ актахъ того времени мы не находимъ. Въ просительномъ листѣ царю Алексѣю Михайловичу о подтвержденіи правъ малороссійскому народу, писанномъ въ Чигиринѣ, 17 февраля 1654 года, гетманъ говоритъ, что «мы, Богданъ Хмельницкій, и все войско запорожское, и весь народъ въ городахъ и селахъ и деревняхъ, начальные и чернь, Христа Бога нашего заповѣдемъ послѣдующе, тебѣ великому государю.... вѣру совершенную учинили», и вслѣдствіе этого просимъ подтвержденія правъ для себя «со всѣмъ народомъ россійскимъ духовныхъ и мирскихъ людей, всякаго пола сущихъ». (Маркев. II, 195). Янъ Казиміръ въ своихъ универсалахъ малороссійскому народу, отъ 29 февраля и 6 іюня 1654 года, увѣщевая народъ отстать отъ предавшагося московскому царю измѣнника Хмельницкаго, ни слова не говоритъ о томъ, чтобы духовенство осталось ему, королю, вѣрно, чего упомянуть, конечно не преминулъ бы, если бы это дѣйствительно было, тѣмъ болѣе, что онъ въ своихъ универсалахъ ссылается на примѣръ многихъ, «которые измѣну того смущенника увидѣвъ, тотчасъ отъ него отступили и присягу намъ ломать, а иному отдавать не хотѣли, которую вѣру и постоянство праведно похваляти и мило принять должны есми» (Тамъ же, 98, 102). Наконецъ отъ митрополита и духовенства были представляемы просительные отвѣты царю, въ которыхъ они просили только сохраненія имъ церковной самостоятельности, «чтобъ есми отъ послушенства святѣйшаго патріарха константинопольскаго, до котораго правомъ Божиимъ и крещенія и по правиламъ св. отецъ належимъ, не были отдалены» (Тамъ же, т. II, примѣч. 191). Мы не знаемъ, на чемъ основалъ Маркевичъ свое сказаніе о томъ, что митрополитъ сначала не хотѣлъ было допускать до присяги на подданство шляхты и слугъ духовенства. Это едва ли вѣроятно, судя по тому, съ какою заботливостію гетманъ старался оправдать Сильвестра даже въ томъ, что онъ замедлилъ послать къ

царю своихъ посланниковъ съ прошеніемъ о подданствѣ. Приводимъ здѣсь любопытную выписку, извлеченную изъ малороссійскихъ дѣлъ коллежскаго архива Маркевичемъ (II, прим. 191): «а что прогнѣвался—былъ твое царское величество», пишетъ Хмельницкій въ листѣ царю отъ 25 мая 1654 года, «на преосвященнаго пастыря нашего, какъ бы онъ разорялъ дѣло Божіе и совокупленіе православія святаго не пріимовалъ, и сему не вѣрить. Колико бѣ зло пострадалъ за вѣру и православіе святое, и нынѣ паче радуется о смиреніи и о мирѣ всего мира, всегда молится и о твоємъ царскомъ величествѣ, и что городъ на монастырскихъ мѣстѣхъ учинялъ ставитися, и онъ къ намъ обвѣстилъ и скоро отъ насъ извѣстился, никакъ возбранилъ городовому дѣлу, паче жъ благословилъ; вѣмъ бо, яко твое царское величество въ замѣну тѣхъ мѣстъ монастырскихъ лучшимъ пожалуетъ преосвященнаго пастыря нашего, и что не ускоришь принять и посланниковъ своихъ къ тебѣ, великому государю нашему отпустить, се во зло да не вмѣнитъ ему твое царское величество, ибо ожидалъ посланниковъ нашихъ, дондеже отъ твоего царскаго величества возвратятся». Изъ этого видно, что заподозрѣніе митрополита кіевскаго въ нежеланіи подданства московскому царю основывалось, по крайней мѣрѣ *формально*, только на томъ, что онъ не билъ челомъ о подданствѣ вмѣстѣ съ гетманомъ. Полагаю, что польскіе писатели, которыхъ цитируетъ авторъ, если они не имѣли своихъ видовъ переименовывать дѣло, о непринятіи подданства митрополитомъ и духовенствомъ малороссійскимъ, заключили изъ того, что духовенство малороссійское и послѣ присоединенія Малороссіи къ Россіи, оставалось, какъ мы уже видѣли выше, въ церковной зависимости отъ патріарха константинопольскаго. Но и эту церковную самостоятельность кіевское духовенство сохраняло не 50 лѣтъ, какъ пишетъ авторъ, а только до 1679 года, то есть до смерти митрополита Антонія, а съ 1685 года уже окончательно подчинилось патріарху московскому. Новый митрополитъ, князь Сильвестръ Четвертинскій, былъ посвященъ въ Москвѣ. А въ 1687 году получены грамоты отъ патріарховъ константинопольскаго и іерусалимскаго, разрѣшающія митрополиту и духовенству кіевскому быть подъ властью патріарха московскаго.

Намъ кажется, что сочиненіе отчасти проигрываетъ оттого, что авторъ не беретъ на себя труда входить въ разборъ мнѣній противорѣчащихъ, какъ въ приведенныхъ нами случаяхъ, такъ и въ другихъ, которыхъ мы приводить не будемъ. Отъ кого же мы болѣе въ правѣ требовать послѣдняго слова о недоумѣніяхъ и разнорѣчіяхъ въ исторіи Богдана Хмельницкаго, какъ не отъ монографиста, избравшаго этотъ предметъ для спеціальнаго обслѣдованія? — Свои

соображенія авторъ могъ бы помѣстить, какъ мы уже сказали, въ примѣчаніяхъ, слѣдовательно безъ вреда для популярности, если только это могло ей повредить.

Но довольно. Всѣ эти мелочи, о которыхъ мы говоримъ, болѣе чѣмъ незначительны въ сравненіи съ многочисленными и несомнѣнными достоинствами сочиненія. Намъ остается пожелать, чтобы вся исторія Малороссіи подверглась такой же тщательной и безпристрастной обработкѣ, въ какой является передъ нами «Богданъ Хмельницкій».

ГРЫЦЬКО.